

АНГЛОСАКСОНСКАЯ АНГЛИЯ И НОРМАНДСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

З.Ю. МЕТЛИЦКАЯ

**АНГЛОСАКСОНСКАЯ АНГЛИЯ
И НОРМАНДСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ**

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

**Москва
2003**

ВВЕДЕНИЕ

Цель данного обзора — познакомить читателей с современными исследованиями, посвященными нормандскому завоеванию Англии. Со времени завоевания минуло почти тысячелетие, в течение которого о нем были написаны тысячи страниц, но непохоже, что историки в ближайшем будущем сочтут тему исчерпанной (чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть библиографию новых изданий и журнальных публикаций 1995—2002 гг.)¹.

Итак, первый вопрос, возникающий в связи с историографией нормандского завоевания, — в чем причина такого пристального внимания и неистощаемого интереса историков к событиям столь давнего прошлого? За первым вопросом неизбежно следует второй: что полезное (помимо сведений общего характера) может почерпнуть из этих работ российский читатель, при том что специалистов, занимающихся англосаксонским или ранним нормандским периодами английской истории, у нас пока мало.

На оба вопроса я постараюсь ответить. Однако сначала уместно вспомнить ряд обстоятельств, связанных с завоеванием.

В 1066 г. в Англии умер король Эдуард Исповедник. У короля не было детей, и единственным представителем древней англосаксонской королевской династии являлся внук его сводного брата

¹ Приведу только одну цифру. Из 22 новых публикаций, посвященных английской истории V—XI вв., отрецензированных в журнале Американской академии медиевистики «Speculum» в 1997–2002 гг., девять затрагивают вопросы, связанные с нормандским завоеванием и его последствиями.

по отцу малолетний Эдгар Этелинг¹. Но корону наследовал не Эдгар, а Харольд, сын Годвине, глава самого влиятельного и богатого на тот момент англосаксонского рода, эрл² Уэссекса, «вице-король» (subregulus) и главный военачальник прежнего короля и брат королевы. Однако Харольд, как сказано в Англосаксонской хронике, «мало знал покоя в свое правление», ибо на английскую корону претендовали еще два могущественных властителя. Норвежский конунг Харальд Суровый собирал могучий флот в Скандинавии; нормандский герцог Вильгельм Незаконнорожденный готовил вторжение с континента. Два войска завоевателей явились в Англию осенью. Харальд Суровый высадился на севере; его сопровождал брат короля Харольда, Тости, год назад изгнанный из Англии. Северные эрлы, Эадвине и Моркере, дали им бой у деревни Гейт Фулфорт, битва была очень жестокой и закончилась победой норвежцев. Однако через пять дней подоспевший с юга король Харольд, сын Годвине, разбил врагов у Стемфордского моста; Харальд Суровый, Тости и большая часть их объединенного войска погибли в этом сражении. Тем временем Вильгельм со своей армией беспрепятственно переправился через пролив и высадился на юге, в Певенси. Соперники сошлись в битве на поле у Гастингса 14 октября 1066 г., и на этот раз англосаксы проиграли. Харольд пал, его войско обратилось в бегство. Армия Вильгельма двинулась к Лондону, разоряя и грабя по дороге окрестные земли. В Лондоне епископ Эалдред, и северные эрлы Эадвине и Моркере провозгласили королем Эдгара Этелинга, но все попытки организовать силы и противостоять захватчикам ни к чему не привели, так что в конце концов депутация англосаксов, в которую входили Эдгар Этелинг, епископ Эалдред, Эадвине, Моркере, Вульфстан, епископ Вустера и горожане Лондона, изъявила свою покорность нормандскому герцогу. В Рождество Вильгельм был коронован в Лондоне.

В 1068–1069 гг. несколько раз вспыхивали восстания против новых властителей: мятеж в Эксетере в 1068 г. возглавляли сыновья Харольда, сына Годвине, и его мать Гюта; во главе «северного»

¹ Этелинг (др.-англ. aetheling) – принц королевского дома (ср. лат. эквиваленты *filius regis*, *cliton*). В конце X – начале XI в. этот титул носили обычно сыновья или братья правящего короля. Эдгар Этелинг зовется так, вероятно, потому, что его дедом был король Эдмунд Железный Бок.

² Эрл (др.-англ. earl, eorl) – в XI в. англосаксонской Англии так именовались правители «скифов» (др.-англ. scire: ср. совр. англ. shire – «графство»), действующие от имени и в интересах короля.

восстания 1069 г. стояли эрл Вальтеоф и Эдгар Этелинг, им помогали даны и шотландцы. Эти мятежи Вильгельм подавил решительно и жестоко.

В результате уже первое десятилетие правления Вильгельма ознаменовалось существенными переменами во многих сферах жизни. Едва ли не весь «первый эшелон» светской англосаксонской знати погиб в трех битвах 1066 г. (Гейт Фулфорт, Стемфордский мост, Гастингс) и в восстаниях конца 60-х годов, а те, кто уцелели, отправились в изгнание. Их место заняли нормандцы – родичи, друзья и соратники Вильгельма. Церковные иерархи сохранили свое положение, но по мере того, как англосаксонские епископы и аббаты умирали, их сменяли выходцы с континента. В 1070 г. архиепископом Кентерберийским был назначен Ланфранк, активно проводивший в английской церкви реформы, уже опробованные к тому времени на континенте. Произошли перемены в военной области: повсюду строились замки, на смену пехоте¹ пришла кавалерия. Королевские грамоты и другие документы стали писаться не на древнеанглийском языке, а на латыни.

Теперь, изложив основные исторические факты, вернемся к двум поставленным нами вопросам. Первый и очевидный ответ заключается в том, что Англия, какой она вошла в историю последующих веков, вплоть до нашего времени, родилась в результате завоевания – в частности, не будь завоевания, едва ли английский язык обрел бы ту форму, в какой мы его знаем. 1066 г. стал своего рода рубежом. В английской истории, пожалуй, мало найдется равных ему по значимости: косвенным, но весьма убедительным подтверждением этого служит тот факт, что в историографических сочинениях, будь то средневековая хроника или современная монография, посвященная истории Англии, рассказ о завоевании обычно завершает (или открывает) очередную книгу или раздел. Английских исследователей нормандское завоевание интересует как важный и трагический (или – в зависимости от личной позиции – героический) эпизод из прошлого их родной страны (к тому же ставший достоянием легенды, а позднее литературной традиции)

¹ Как следует из источников и работ военных историков в англосаксонский период даже «профессиональные» воины, входившие в отборные военные подразделения, скажем, «хускарлы» – «личная гвардия» короля – сражались всегда в пешем строю.

какими, скажем, являются для нас поход князя Игоря или Куликовская битва.

Кроме того, поскольку свидетельства источников неполны и часто противоречат друг другу, историк, пытающийся воссоздать и понять всю цепь событий, приведших к нормандскому завоеванию, сталкивается с целым рядом «загадок». Предложить однозначное и обоснованное их решение едва ли возможно, но практически каждый исследователь стремится это сделать. К числу таких «вечных» тем относится, скажем, поездка Харольда, сына Годвине, в Нормандию в 1064 г. Какова была ее цель? Отправился ли Харольд в Нормандию по своей инициативе или по повелению Эдуарда Исповедника? Имела ли место «клятва Харольда»¹ и в чем она состояла? Называл ли Эдуард Исповедник своим наследником Вильгельма или Харольда?

Можно назвать и другие спорные вопросы. В чем причина поражения англосаксов при Гастингсе? Как погиб Харольд, сын Годвине? Какую роль играли во всем происходящем эрлы Эадвине и Моркере? Всех этих тем мы коснемся в дальнейшем.

Однако у нормандского завоевания был еще один аспект, и именно обращение к нему позволяет ответить на второй наш вопрос — чем данная тема и предлагаемые современными исследователями подходы к ее изучению могут быть интересны историкам, специализирующимся в других областях.

В данном случае речь идет не просто о захвате территорий, смене правящей династии и политической элиты и т.п. Англосаксонская Англия и Нормандское герцогство представляли две разные культуры (если брать это понятие в самом широком смысле) и завоевание привело к замене одной культуры другой. Безусловно, развитие экономических отношений, социальной структуры и институтов в Англии шло в том же направлении, что и в Европе. Также несомненно, что континентальное влияние, особенно в сфере ученой христианской культуры, изначально было достаточно сильно. Между Англией и континентом всегда существовали тесные политические и торговые связи. Последний представитель древнего

¹ Согласно нормандским и англо-нормандским источникам, Харольд сын Годвине во время своего визита в Нормандию в 1064 г. принес вассальную клятву герцогу Вильгельму и (или) поклялся помочь ему получить после смерти Эдуарда Исповедника английскую корону.

королевского рода – Эдуард Исповедник – долго жил при дворе нормандских герцогов и, став королем, привез с собой в Англию не только своих друзей и слуг, но и «чужеземные обычаи». Не будь завоевания, «смена культур» все равно бы произошла, как это случилось, например, в скандинавских странах. Но в Англии она свершилась практически в одночасье. Счет шел не на столетия и десятилетия, а на годы. В мировой истории можно найти, разумеется, и другие примеры столь резко и «катастрофически» происходивших перемен – но их не так много. Таким образом, нормандское завоевание предоставляет богатый и показательный материал для изучения проблемы взаимодействия культур, культурных контактов и «культурных разрывов», а также всего круга вопросов, которые можно в связи с этим поставить. Один из них – в какой мере «разрывы» действительно являются разрывами. Названная тема, очевидно, важна и интересна не только для тех, кто занимается историей Англии, и, говоря о современной историографии нормандского завоевания, я буду стараться по возможности подчеркнуть и выделить этот аспект.

После этих общих рассуждений следует отметить две характерные особенности историографии нормандского завоевания, замеченные мною в процессе работы над обзором и при проведении собственных исследований. Их полезно учитывать при анализе конкретных публикаций, ибо это позволяет определенным образом классифицировать работы и лучше понять те приемы и подходы, которыми пользуется автор. Если взглянуть на проблему шире, они дают интересный материал для обсуждения модных сегодня тем: «Что такое история?», «Субъективное и объективное в истории», «Исторический нарратив». Однако этих вопросов мы касаться не будем.

Итак, первая особенность состоит в том, что историография нормандского завоевания очевидно небеспристрастна. Д.Дуглас в работе 1946 г. писал: «И сегодня, хотя нормандское завоевание обсуждается постоянно на протяжении вот уже четырех столетий, немногие события нашей истории вызывают столь же яростные споры» (8, с. 6). В рассматриваемый Д.Дугласом период, историки, представлявшие «англосаксонский» и «нормандский» лагеря, спорили с таким ожесточением, что порой выходили за рамки

научной полемики. По моим наблюдениям противостояние продолжается и по сей день.

В последние десятилетия в Англии на поле Гастингса каждый год 14 октября разыгрывается театрализованное «сражение», участниками которого становятся собравшиеся со всего мира любители средневекового военного искусства, поклонники англосаксов и нормандских рыцарей. Но битва продолжается и на страницах книг и журнальных публикаций. Разумеется, практически никто из исследователей теперь не высказывает своих симпатий так открыто, как делал это Э.Фриман в 1870-х годах (10). Откровенную «панегиричность» биографии Харольда, сына Годविны, написанной Я.Уолкером (24), рецензент «Speculum» отметил как главный недостаток книги. Среди работ, которые будут проанализированы подробно в обзоре, пример очевидной и нескрываемой необъективности дает «биографический триптих» Ф.Маклинна «1066: год трех битв» (14). Но, даже не выраженная явно, личная позиция исследователя косвенным образом дает о себе знать – в выборе источников, постановке проблем, построении изложения, подборе библиографии. Собственные симпатии историка сказываются и при обсуждении вопроса о «преемственности и разрыве». Представители «нормандского» лагеря чаще склонны обнаруживать преемственность в развитии английского государства и общества в англосаксонский и англо-нормандский периоды, и говорить о «закономерности» происходящего. «Англосаксонисты», напротив, делают акцент на противопоставлении «англосаксонского» и «нормандского» (или «англо-нормандского»), подчеркивая необратимый характер происшедших перемен (ср. названия книг: Н.Хайам «Гибель англосаксонской Англии»; А.Уильямс «Англичане и нормандское завоевание»).

В подтверждение того, что исследователи подчас воспринимают события завоевания очень лично, достаточно привести один пример. Элизабет ван Хотс, уроженка Нидерландов, ныне живущая и работающая в Оксфорде, в последние годы обратилась к изучению исторической памяти. В статье 1996 г., опубликованной в журнале «History Today», Э. ван Хотс полемизирует, в частности, с историками, утверждающими, что перемены, происшедшие в 1066 г.,

затронули только высший слой общества, жизнь же кэрлов¹ и горожан практически не изменилась, и они «не почувствовали» завоевания. Исследовательница приводит ряд аргументов, опровергающих подобную точку зрения, и затем пишет: «этим людям (имеются в виду современные английские исследователи. — З.М.), не пережившим оккупации, никогда не понять всего ужаса ситуации, когда тобой правят люди, не понимающие твоего языка» (12, с. 12). Жизненный опыт автора, его личная боль и трагедия, присутствуют в осмыслении событий тысячелетней давности.

Вторая особенность историографии нормандского завоевания связана с существованием двух разных традиций в рассмотрении этой темы, которые условно можно назвать «повествовательной» и «аналитической». Как уже говорилось выше, источники содержат немало загадок, и для того чтобы нарисовать детальную и непротиворечивую картину прошлого историк должен серьезно и глубоко изучить, проанализировать и сопоставить множество исторических повествований и свидетельств. При этом для исследователя, взявшего на себя такую задачу, исходной точкой рассуждений оказывается вопрос «как?». Можно, однако, не стремясь воссоздать ход событий во всех подробностях, попытаться выявить общие внутренние связи, комплекс причин и мотивов, определявших развитие событий, а также позицию авторов источников. Отправной точкой такого исследования является вопрос «почему?».

В обзоре мы уделим внимание тому, каким образом формировались и развивались эти два подхода, истоки которых можно найти еще в хрониках XII в., хотя попытка восстановить цепочку преемственности в рамках той и другой традиции — это отдельная тема. Однако рассматривая нынешнюю ситуацию, следует указать, что, за редким исключением, современные историки едва ли следуют той или другой традиции в чистом виде. В работах, сам жанр которых предполагает «повествовательность», скажем в биографиях (14, 24) или работах военных историков, воссоздающих и описывающих ход сражений 1066 г. (2, 7), присутствуют элементы анализа. В «аналитических» исследованиях (12, 16, 20) авторы не могут обойтись без достаточно подробного изложения событий и

¹ Кэрл (др.-англ. ceorl) — свободный землепашец, крестьянин.

обсуждения «загадок» источников¹. О принадлежности историка к той или другой традиции говорят, скорее, выбор источников и принципы подхода к ним, построение изложения (утверждение—доказательство или свободный рассказ с обильными отступлениями) и позиция, которую занимает автор по отношению к читателям и «героям» своего исследования.

Обзор современных публикаций, посвященных нормандскому завоеванию, можно построить по-разному. Один из вариантов — анализ материала «по проблемам»: «причины завоевания», «последствия завоевания», «культурные контакты» и т.п. Другая возможность состоит в том, чтобы классифицировать работы, по перечисленным мною выше признакам и выявить в них субъективный элемент, авторскую позицию, принадлежность к той или иной традиции, отступления от традиции и др. Мне, однако, показалось целесообразным избрать третий вариант и «последовать за источниками» — и в узком смысле, и в более широком, ибо в данном случае «источниками» можно считать всю историографию нормандского завоевания в целом. Источники, как уже указывалось, построены в основном по принципу повествования. Поэтому мне представляется естественным рассматривать большинство публикаций последовательно и достаточно подробно, одновременно выделяя те моменты, которые могут быть важны для понимания общих особенностей, обозначенных мною во введении или для сравнения с другими работами. Помимо монографий и статей при написании обзора использовались также рецензии журнала «Speculum» — и как источник информации о новых изданиях, и как свидетельство того, что думают сами историки о состоянии дел и перспективах в данной области исследований.

В главе I мы обсудим кратко источники, имеющиеся в распоряжении исследователя, изучающего нормандское завоевание,

¹ Как можно заключить из авторских предисловий ко многим монографиям, выбор повествования, как формы изложения, определяется в том числе и тем, что события англосаксонского периода английской истории в целом недостаточно хорошо знакомы английским и американским читателям, даже специалистам-историкам, если только круг их профессиональных интересов не связан непосредственно с данной темой.

и укажем на некоторые проблемы, вокруг которых до сих пор ведутся споры.

Глава II посвящена истории изучения нормандского завоевания. Мы постараемся проследить, как и когда выявились те особенности историографии нормандского завоевания, о которых говорилось выше и остановимся на основных, этапных работах, поскольку без знакомства с ними, трудно понять и оценить в полной мере, что нового привнесли в изучение данной темы последние десятилетия ушедшего XX и первые годы XXI в.

В главе III показано, каким образом представлены в современной историографии нормандского завоевания традиционные для данной области направления и темы – такие как военная и политическая история завоевания, изучение его экономических и социальных последствий, историческая биография. Изложив новые гипотезы, высказанные авторами этих работ, мы обратим также внимание на то, чем используемые ими методы и подходы отличаются от методов и подходов их предшественников.

В главе IV анализируются новые направления в исследовании нормандского завоевания, связанных с изучением исторического сознания и памяти. В центре внимания оказываются такие вопросы, как формирование и передача исторической памяти о завоевании, восприятие завоевания современниками в Англии, в Нормандии и в Европе и пр.

В заключении представлены некоторые выводы.

Глава I

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ НОРМАНДСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

Говоря об основных источниках, которыми пользуются исследователи при изучении нормандского завоевания, следует отметить два обстоятельства. Во-первых, большинство их имеют нарративный характер. Во-вторых, поскольку речь идет о столь значимом и трагическом событии, авторы повествований откровенно пристрастны и нередко противоречат друг другу. В силу этого перед любым исследователем, обращающимся к изучению нормандского

завоевания, встает проблема выбора источников и определения степени их достоверности. Но произведенные таким образом отбор и оценка неизбежно оказываются субъективными. «Историк выбирает, на какие из свидетельств он будет опираться, а какие отвергнет, и в этом выборе находит отражение его индивидуальность», — пишет Дж.Бредбери (2, с. 142). Некоторые исследователи, сознавая «проблему источников», прежде чем приступить к изложению собственных мнений и гипотез формулируют принципы своего подхода к материалу, другие оставляют данный вопрос без обсуждения, но принципиально ситуацию это не меняет.

В следующих главах встретятся примеры того, как позиция автора влияет на выбор источников, и как этот выбор, особенно когда речь идет о работах, принадлежащих повествовательной традиции, определяет авторскую версию событий и, в немалой степени, его выводы.

Однако для более ясного понимания ситуации стоит предварительно перечислить и охарактеризовать основные источники, которые в дальнейшем будут неоднократно упоминаться.

1. **Англосаксонская хроника** представляет собой летопись на древнеанглийском языке. Первоначальный вариант Хроники был составлен в 890-е годы, во времена Альфреда Великого, на основе местных анналов и записей пасхальных таблиц¹. Тогда же с этого оригинала было сделано несколько копий, которые затем разослали в крупнейшие монастыри и религиозные центры. Там они в свою очередь переписывались, копировались и дополнялись новыми погодными статьями. Из дошедших до нас рукописей Хроники (они настолько различаются, что, по сути, их можно рассматривать как отдельные летописи), только одна (рукопись "А") является первоначальной «альфредовской» копией, к которой на протяжении почти двух столетий дописывались новые статьи; остальные имеют еще

¹ Пасхальные таблицы представляли собой разлинованные и разделенные на столбцы листы пергамента, использовавшиеся год за годом для вычисления дня Пасхи. В столбцы заносились необходимые данные, при этом справа оставалось свободное место. Со временем там стали помещать краткие записи об основных событиях года, служившие своего рода «защепками» для памяти. По мнению Ч.Пламмера (17), пасхальные таблицы, даже без этих кратких записей, были первой разновидностью «истории», ибо они сообщали о самом важном в глазах людей того времени историческом событии — о дне Воскресения.

более сложную текстологическую историю. Для исследователя нормандского завоевания интересны рукописи "С", "D" и "Е". Рукопись "С" – копия некоего протографа, сделанная около 1000 г., которая затем продолжалась, судя по всему, в Абингдоне. Она обрывается на середине статьи 1066 г. (остальная часть рукописи, вероятно, была утрачена) и рассказа о битве при Гастингсе в ней нет. Тем не менее, первый исследователь и издатель Англосаксонской хроники, Ч.Пламмер, работы которого до сих пор считаются классическими в этой области полагал, что «статьи оригинальные для "С" очень ценны и часто дают нам наиболее авторитетные свидетельства о временах, к которым они относятся» (17). Датировка рукописи "D", представляющей собой, с большой вероятностью, единовременно созданный свод, вызывает споры. Ряд авторитетных исследователей, в частности Ч.Пламмер, высказывались в пользу поздней датировки – началом XII в., однако в настоящее время большинство историков все же склонны предполагать, что свод создавался в начале 80-х годов XI в. Рукопись «Е» писалась в 1121–1154 гг. в Петерборо и в первой своей части (статьи до 1121 г.) являет собой, предположительно, копию хроники монастыря святого Августина в Кентерберии, в которую переписчик внес дополнения, касающиеся Петерборо, и фразы на латыни, сообщающие о событиях на континенте.

Свидетельства Англосаксонской хроники кратки, однако в ней содержится достаточно много информации о политической жизни Англии в период перед завоеванием.

2. Латинское «Жизнеописание короля Эдуарда, покоящегося в Вестминстере» датируется, как полагает его публикатор и переводчик Ф.Барлоу (24), 1065–1067 гг. Автор его неизвестен, но практически все исследователи сходятся на том, что «Жизнеописание...» создано чужеземцем, знакомым, однако, с жизнью королевского двора и четы. Согласно трем версиям автор мог быть выходцем из Фландрии, из монастыря Сент-Омер или Сент-Бертина. По мнению Ф. Барлоу, сочинение первоначально задумывалось как «Encomium» – восхваление королевы Эдит, жены Эдуарда Исповедника и сестры Харольда, сына Годвине. По содержанию оно делится на две части (хотя в единственной дошедшей до нас рукописи никакое деление не отражено). В первой части (Ф. Барлоу датирует ее 1065 г.) подробно излагаются основные политические события времен царствования

Эдуарда Исповедника. Прозаический текст прерывается стихотворными вставками, и все сочинение выдержано в духе панегирика семейству Годвине. Вторая часть, написанная после нормандского завоевания, открывается стихотворным обращением автора к музе. «Как и о ком мне писать теперь, когда все погибли?» — спрашивает поэт. И муза отвечает: «Расскажи о благочестивом короле». Далее следует описание благочестивой жизни и религиозных переживаний Эдуарда Исповедника.

Следует отметить, что такой авторитетный исследователь, как Марк Блок, считал все «Жизнеописание...» литературным упражнением XII в.

3. «Деяния герцогов нормандских» Гийома Жумежского написаны, согласно общепризнанному мнению, в 1070—1071 гг. Гийом Жумежский был монахом монастыря Жумежа, имевшего тесные связи с Англией, поскольку его аббат Робер (Робер Жумежский) во времена Эдуарда Исповедника стал сначала епископом Лондона (1046 г.), а затем архиепископом Кентерберийским. В начальных своих главах сочинение Гийома Жумежского представляет собой переложение Хроники Дудона Сен-Квентинского, повествующей о правлении и деяниях нормандских герцогов, начиная с первого герцога, основателя династии — Ролло. Начало «Деяний» в части, касающейся событий завоевания, Гийом опирался на собственные сведения. «Деяния» предваряет панегирическое обращение к Вильгельму. Сочинение Гийома Жумежского пользовалось, вероятно, большой популярностью, более 40 копий разных его версий хранилось в XI—XII вв. в библиотеках Англии и Франции.

4. Если говорить об источниках более-менее «современных» завоеванию, то «Деяния Вильгельма герцога Нормандии и короля Англии» Гийома из Пуатье содержат, безусловно, самое детальное из всех дошедших до нас описаний этих событий. Это сочинение было создано не ранее 1071 г. (дата последнего упомянутого в нем события), и не позднее июля 1077 г. (дата смерти епископа Хьюго из Лизьё, о котором автор пишет как о живущем). Единственным источником наших сведений о Гийоме из Пуатье является Ордрик Виталий. Согласно ему, Гийом родился в Пре в Нормандии. В юности он практиковался в воинском искусстве и служил герцогу Вильгельму, затем уехал в Пуатье, принял там духовный сан и вернувшись в Нормандию был сначала капелланом Вильгельма, а

потом архидьяконом Лизьё. Ни одна рукопись его сочинения не сохранилась; все современные публикации основываются на издании Андре Душне 1614 г. Но в рукописи, имевшейся в распоряжении Душне не было начала и конца. Исследователи отмечают литературное мастерство Гийома из Пуатье, проявившееся в умелом следовании классическим образцам, с которыми он, вероятно, познакомился за годы учения. Немаловажным достоинством «Деяний...» как источника считается то, что их автор учился военному делу и сам участвовал в военных кампаниях; кроме того, будучи близок Вильгельму, он мог получать сведения из первых рук. Однако по мнению многих историков, ценность свидетельств, содержащихся в «Деяниях...», снижает неприкрытая панегиричность этого сочинения. В стремлении прославить своего «героя» и представить его идеальным воплощением всех добродетелей Гийом из Пуатье превосходит и Гийома Жумьежского и неизвестного автора «Жизнеописания короля Эдуарда...». Рецензент новой публикации «Деяний...» заметил, что «эта биография-панегирик имеет больше общего с творениями деятелей викторианской эпохи, нежели со средневековыми хрониками» и «может дать больше материала для анализа легенды, сложившейся вокруг имени нового английского короля через несколько лет после завоевания, чем реальных событий».

5. «Песня о битве при Гастингсе» — вероятно, наиболее спорный из всех источников. Долгое время эта поэма, написанная на латыни, считалась важным свидетельством, ибо большинство исследователей полагали, что именно ее имеет в виду Ордерик Виталий, когда говорит о «поэме, рассказывающей о битве при Гастингсе, написанной Ги, епископом Амьена». Если принять эту версию «Песня...», датируемая 1068 г. и содержащая множество интересных сведений, является исключительно ценным памятником. Однако в конце 70-х годов Р.Дэвис (6) выдвинул серьезные возражения против подобной идентификации имеющегося в нашем распоряжении манускрипта (обнаруженного в 1826 г.). Палеографические данные говорят в пользу того, что он был написан не ранее 1100 г.; кроме того, по мнению Р.Дэвиса, в поэме содержится ряд очевидно «легендарных» подробностей и эпизодов, которые просто не могли иметь хождение спустя всего два года после завоевания. У той и другой точек зрения есть свои авторитетные последователи. Среди сторонников авторства Ги Амьенского можно назвать публикаторов

современного издания «Песни...», оксфордских исследователей С.Мортон и Г.Мюнца (22). Версии Р.Дэвиса придерживается известный историк, специалист по истории Нормандии и англо-нормандского периода, издатель ежегодника «Англо-нормандские исследования» А.Браун (3).

6. Гобелен из Байё — уникальный памятник. Хотя его по традиции называют «гобеленом» в действительности он представляет собой льняное полотно, расшитое крашеной шерстью, около 70 метров длиной и 50 сантиметров шириной, на котором изображены последовательно 58 эпизодов, повествующих о событиях нормандского завоевания (конец полотна, где, предположительно, были запечатлены события, последовавшие за поражением англосаксов при Гастингсе вплоть до коронации Вильгельма — утрачен). Согласно принятому мнению, вышивка была сделана в Кенте, предположительно, в Кентербери в монастыре святого Августина, по заказу Одо, сводного брата герцога Вильгельма, епископа Байё. В датировке «гобелена» исследователи не столь единодушны, но даже те, кто не видит оснований связывать его создание с освящением нового собора в Байё (1077), для которого гобелен, возможно, предназначался, принимают в качестве верхней границы 1083 г. (год политической опалы и ареста Одо) или по крайней мере 1097 г. (год смерти епископа). Помимо основных сцен, мастерски увязанных художником в единый изобразительный ряд, на бордюре гобелена сверху и снизу помещены фигурки людей и зверей и символические изображения. Многие сцены снабжены краткими пояснительными надписями на латыни.

Перечисленные источники традиционно считаются основными и рассматриваются практически всеми исследователями, изучающими нормандское завоевание. Помимо них при анализе событий завоевания как правило используются свидетельства по крайней мере трех историков англо-нормандского периода.

7. Ордерик Виталий родился в 1075 г. Его мать была англичанка, отец — нормандец. Когда Ордерiku исполнилось 10 лет, отец — Оделирий Орлеанский, капеллан Роже Монтгомери, графа Шрусбери — отправил его в Нормандию, в монастырь Сен-Эвре, где Ордерик стал потом монахом и провел всю жизнь. Свою «Церковную историю» он писал в период с 1109 по 1141 г., по собственному его уверению, на основании всех «историй», которые смог прочесть,

грамот и других документов из картулярия Сен-Эвре и других монастырей, а также по рассказам гостей, посещавших монастырь, или тех, с кем ему приходилось встречаться во время редких путешествий. Книги III и IV, в которых рассказывается, среди прочего, о событиях завоевания, были завершены в 1123—1125 гг. Сочинение Ордерика Виталия представляет ценность для исследователя еще и потому, что в нем содержатся достаточно подробные сведения об авторах, сочинениями которых Ордерик пользовался, в частности о Гийоме из Пуатье и Гийоме Жумьежском. В то же время большинство исследователей сходятся на том, что свидетельства Ордерика об истории Англии до 1066 г. часто путаны, а иногда очевидно ошибочны. Так, он называет Тости старшим братом Харольда, и сообщает, что Тости изгнали из Англии в 1066 г., и сделал это Харольд. В то время как все прочие источники сообщают, что это произошло в конце 1065 г., еще при короле Эдуарде.

8. Уильям Мальмсберийский также, по собственному его признанию, был выходцем из смешанной, англо-нормандской семьи. Он родился в 1095 г. Как и Ордерик Виталий он провел всю свою жизнь с детских лет в монастыре — в Мальмсбери. Для исследователя завоевания представляют интерес его «Деяния английских королей» и «Деяния английских епископов» (помимо них он создал также «Новую историю» рассказывающую о временах правления Стефана). Обе названные работы писались около 1125 г. и подверглись пересмотру в 1140 г. По общему признанию Уильям Мальмсберийский считается одним из самых вдумчивых, добросовестных и талантливых историков Средневековья. Ценность его сочинений как исторического источника повышается еще и тем, что он пользовался не только письменными памятниками (в том числе и на древнеанглийском языке) и документами, в поисках которых посетил множество английских монастырей, но и устными рассказами, преданиями и песнями, собранными и записанными во время его многочисленных путешествий.

9. Генри Хантингдонский родился в 1080 г., юношей состоял при епископе Линкольна, затем стал архидьяконом Хантингдона. Он был в большей степени «мирским» человеком, чем Ордерик Виталий и Уильям Мальмсберийский. Генри Хантингдонский много путешествовал, посетил монастырь Бек в Нормандии и Рим. При написании «Истории Англии» он пользовался, по собственному его

указанию, «собраниями хроник, сохранившихся в старых библиотеках». В этом сочинении присутствует довольно много живописных подробностей, однако некоторые исследователи склонны сомневаться в достоверности его свидетельств. Д. Дуглас, публикатор второго тома собрания «Английские исторические документы», не упоминает о Генри Хантингдонском в разделе посвященном завоеванию; А. Браун не включил «Историю Англии» в свою хрестоматию источников для изучения нормандского завоевания. Рецензент «Speculum», анализируя новое издание «Истории Англии», указывает, что публикатор, впервые приведя полный вариант текста, дал читателю возможность проследить по этапам как «Генри Хантингдонский переписывал источники, чтобы подогнать их под свою схему или собственные предрассудки».

Наконец нельзя не назвать еще один не-нарративный источник, наверное, даже более уникальный, чем гобелен из Байё. Речь идет о «Книге Страшного суда». Она состоит из двух томов, первый из которых, много больший по объему, содержит сведения обо всех английских графствах к югу от Тиса, кроме Норфолка, Суффолка и Эссекса. Данные относящиеся к этим трем графствам составляют «малую книгу»: она не только меньше по объему, но и отличается характером записей, содержащих более детальную информацию о владениях. Считается, что в «Малой книге» собраны отчеты, присланные в Вестминстер, где составлялся основной том, которые так и не были соответствующим образом сокращены и обработаны из-за смерти Вильгельма в 1087 г. Перепись, начатая в 1085 г., проводилась по повелению Вильгельма, желавшего получить полные сведения о земельных владениях своего королевства: их размерах, составе и о том, кто и на каких правах ими владеет. Для исследователя нормандского завоевания «Книга Страшного суда» интересна тем, что в ней указываются имена не только нынешних, но и прежних владельцев и держателей, в том числе англосаксонского периода. Отчеты составлялись по показаниям местных жителей, которые давая их клялись «страшным судом» говорить правду — отсюда название памятника.

Отдельно следует сказать о скандинавских источниках. В королевских сагах, в первую очередь в «Саге о Харальде Суровом», содержится богатый и во многом уникальный материал, касающийся норвежского вторжения 1066 г., сражения у Стемфордского моста

и т.д. Однако среди историков нет согласия по поводу того, насколько этим сведениям можно доверять. Королевские саги записывались в XIII в., и по крайней мере в «английской» части «Саги о Харальде Суровом» содержатся фактические ошибки: ее автор, Снорри Стурлусон неправильно указывает число сыновей Годвине и заявляет, что Тости был старшим братом. Сторонники использования саг как исторического источника, однако, указывают, что их авторы опирались на богатую и развитую устную традицию, одним из принципов которой было стремление рассказывать правду. Снорри Стурлусон в прологе к собранию королевских саг излагает свой подход к отбору материала таким образом, что под этим мог бы подписаться и современный историк.

В ряду «спорных» источников надо назвать также написанный на старофранцузском языке стихотворный «Роман о Ру» Васа, автора знаменитого «Романа о Бруте». Вас родился в 1100 г. и писал свое сочинение, вероятно, во второй половине XII в. (умер он в 1184 г.) Ценность этого источника определяется тем, что в нем содержится подробное описание битвы при Гастингсе, пожалуй, самое детальное из всех. Э.Фриман в своем шеститомном труде «История нормандского завоевания в Англии» (9) широко пользовался этим источником. Сторонники использования «Романа о Ру» в качестве исторического свидетельства опираются на то, что автор, по собственным его словам, основывался на рассказах тех, кто знал очевидцев этих событий. Кроме того, Вас, судя по всему, как и Гийом из Пуатье учился воинскому искусству и его описание битвы можно считать рассказом «профессионала». Главный аргумент оппонентов состоит в том, что мы имеем дело с «романом», и Вас, будучи в первую очередь поэтом, щедро украшал свое повествование живописными, но целиком вымышленными эпизодами и деталями, что ставит под сомнение и достоверность этого сочинения в целом.

Таков «стандартный» набор основных источников, которыми оперируют историки при изучении нормандского завоевания. Разумеется, каждый исследователь в чем-то отступает от «правила», исключая из рассмотрения одни памятники и привлекая другие – в соответствии со своей задачей. Кроме того, в последнее время для анализа последствий завоевания стал использоваться совершенно иной материал, например жития святых. К этой теме мы вернемся в последней главе.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ НОРМАНДСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

Охарактеризовав источники, прежде чем переходить к обсуждению современных работ, посвященных нормандскому завоеванию, рассмотрим коротко историю развития этой области исследований. Эту тему можно обсуждать долго и в разных ракурсах, но цель данной главы — выделить этапные работы и одновременно показать, что особенности историографии нормандского завоевания, отмеченные во введении также имеют свою историю.

При написании данной главы обзора автор опирался на уже упомянутую работу Д. Дугласа (8), а также на монографию М. Чибнейл (4).

Д. Дуглас, писавший в 1946 г., относит начало изучения завоевания к XVI в., к эпохе становления «научной истории». Я бы перенесла эту границу существенно дальше в прошлое, в XII в., ибо уже Уильям Мальмсберийской обсуждал в своих «Деяниях английских королей» проблемы, которые занимают исследователей и по сей день. Он дал свой ответ на вопрос о причинах завоевания и выводы его, если изложить их современным языком, кажутся в достаточной мере оправданными. Любой хронист, писавший об истории Англии и рассказывавший о нормандском завоевании, продельвал ту же работу, какую совершает нынешний исследователь, когда выбирает источники, систематизирует их и выстраивает, пользуясь их свидетельствами, собственную версию происходивших событий. Историки XIII—XVI вв. опирались в первую очередь на сочинения Уильяма Мальмсберийского, Ордерика Виталия, Генри Хантингдонского и труды своих более близких предшественников (или даже современников). В ряду позднейших сочинений следует назвать хроники Мэтью Парижского (середина XIII в.) и Ранульфа Хигдена (около 1350 г.), а также «Историю Англии» Полидора Вергиля (около 1546 г.).

Мы не станем обсуждать, даже кратко, воззрения упомянутых здесь хронистов (многие другие, возможно незаслуженно, не названы), но некую общую характеристику того, что можно назвать «трактовкой» завоевания, дать, наверное, стоит. Для авторов XII в.

причины завоевания кроются в разнообразных пороках, процветавших в англосаксонском обществе. За эти пороки на народ обрушился Божий гнев и кара. Интересно, что многие из них соотносят «начало падения» с правлением Этельреда Нерешительного, как часто поступают и нынешние историки, особенно те, кто принадлежит «повествовательной» традиции. В XIII—XIV вв. при рассмотрении завоевания упор делался на то, что англосаксы после смерти святого короля Эдуарда Исповедника не возвели на трон законного наследника Эдгара Этельинга — в этом хронистам виделся корень всех бедствий. Харольд сын Годвине в подавляющем большинстве «историй» предстал как человек храбрый и доблестный, «наделенный многими достоинствами», но при этом узурпатор и клятвопреступник. Герцог Вильгельм — отважный и благородный воин, великий полководец и хороший правитель, послуживший орудием возмездия. Следует также отметить, что в сочинениях хронистов XIII—XVI вв., едва ли прослеживаются отчетливо про-нормандские или про-англосаксонские настроения. Позиция авторов скорее нейтральна, они стремятся оценивать происходящее с точки зрения «закона» или «Божественной правды», требующей отстраненности и объективности.

Обратимся теперь к XVII в., к тому периоду, с которым Д.Дуглас связывает истоки историографии нормандского завоевания. В это время проявляется во всей полноте тенденция, названная в работе Дугласа «националистическим истолкованием» завоевания (8, с. 9). Она сразу нашла свое выражение в двух разных течениях. Представители первого видели в славе и доблести нормандских рыцарей начало и залог величия Британии. Уильям Темпл в 1695 г. прославлял «счастливые обстоятельства, приведшие к памяtnому завоеванию». Аристократы, все как один возводили свои родословные к вильгельмовским рыцарям, сражавшимся на Гастингсе, и услужливые служащие геральдической палаты охотно им в этом помогали. В такой интерпретации нормандское завоевание становилось поводом для гордости.

Но одновременно возникает и другая трактовка. Ранние хронисты воспринимали победу Вильгельма как трагедию или даже как полное крушение. В XIV—XVI вв. эта тема если не исчезает полностью, то отходит на второй-третий план, но в «Британии» Камдена (1586) в рассказе о завоевании возникают нотки горечи.

В 1685 г. Уинстон Черчилль, отец первого герцога Марлборо, пожелал увековечить в своем «*Divi Britannici*» память «тех, кто храбро противостоял Року, дабы спасти свою страну от величайшего бедствия — чужеземного рабства». Тогда же получает развитие и другая тема, присутствующая в первых хрониках. Нормандское завоевание виделось как величайшее бедствие, но причина его — нравственное падение англосаксов, деградация «национального характера». Джон Мильтон в «Истории Британии» (1695) повторяет практически слово в слово Уильяма Мальмсберийского, писавшего о том, что причиной завоевания были пороки англов — любовь к роскоши, пьянство, ярость и безрассудство.

Историки разделились, явно или неявно, на два лагеря и это разделение, в какой-то мере, сохраняется до сих пор. Любопытно, что примерно в то же время, в конце XVII в. заявляет о себе еще один подход к завоеванию, удивительно созвучный современным дискуссиям. Речь идет о попытках представить дело так, словно никакого завоевания не было. Спелман в «*Glossarium Archailologicum*» (1664) пишет о «приобретении» нормандцами Англии, в «*Argumentum Anti-Normannicum*» (1682) говорится о «соглашении» между Завоевателем и «Леди Британией», его «почитаемой королевой».

К началу XVIII в. в развитие «про-англосаксонской» тенденции возникает и набирает силу новое течение, которое Д.Дуглас именует «историографией вигов». Еще в 1709 г. Э.Эльстоб пытался доказать, что реформированная церковь полностью соответствует духу древней саксонской церкви. «Историография вигов» пошла дальше — она стремилась найти в прошлом прообраз современного ей английского демократического государства. Историки этого направления представляли англосаксонское общество состоящим из общин свободных людей, участвующих в демократических институтах и способных даже избирать или смещать королей. В их сочинениях Вильгельм Завоеватель из родоначальника британского величия превратился в тирана, уничтожившего конституцию, а англосаксы из развращенного и опустившегося народа обратились в славных предшественников вершителей Великой революции.

Подобные взгляды утвердились в английской историографии достаточно надолго. Следующим важным шагом в изучении завоевания стала работа, которую по праву можно счесть «этапной». Речь идет о вышедшем в 1867—1879 гг. шеститомном труде Эдварда

Фримана «История нормандского завоевания в Англии»¹ (9). Человек упорный, талантливый и необыкновенно эрудированный, Э.Фриман изучил огромное количество повествовательных источников, касающихся англосаксонской Англии. Он поставил перед собой задачу рассказать историю нормандского завоевания в мельчайших подробностях, и в этом смысле его книга по сей день не имеет себе равных. Каждый из шести томов насчитывает по 800 и более страниц и половину этого объема занимают цитаты и разбор источников. Первый том посвящен истории англосаксонской Англии до начала правления Эдуарда Исповедника, второй — правлению Эдуарда Исповедника; третий — событиям 1066 г., четвертый, пятый и шестой — последствиям завоевания. Э.Фриман рассказывал о прошлом ярко и эмоционально, не скрывая своих симпатий и антипатий. Он даже заявлял, что рад был бы сражаться на Гастингсе против Вильгельма. И здесь следует отметить одно важное обстоятельство. В XVIII в. историки-виги противопоставляли тирану и захватчику Вильгельму законного правителя Эдгара Этелинга, и в этом вполне сходились со своими предшественниками хронистами XIII—XVI вв. Харольд сын Годвине был для них таким же «узурпатором», как и Вильгельм. У Фримана главными и единственными противниками нормандцев становятся Годвине и Харольд. Они предстают защитниками нации, врагами коварных клириков и горячими сторонниками парламентской формы правления. Нельзя сказать, что Фриман был здесь первооткрывателем. Харольда прославлял как защитника английской земли О.Тьерри в «Завоевании нормандцами Англии»; он выведен в качестве романтического персонажа в романе Э.Бульвер-Литтона «Харольд — последний англосаксонский король» (интересно отметить, что автор современной биографии Харольда (24) избрал для своей книги то же название). Но именно благодаря Фриману противостояние Вильгельма и Харольда как представителей двух наций, и, если можно так сказать, двух культур, надолго стало расхожим сюжетом в историографии.

Книга Фримана немедленно подверглась критике и дала толчок к жарким спорам, порой выходившим, по выражению Д.Дугласа, «за

¹ Интересно, что Э.Фриман назвал свой труд, не «Нормандское завоевание Англии», а «Нормандское завоевание в Англии», словно речь идет о чем-то постороннем.

рамки научной этики». Противники Э.Фримана указывали на то, что он слишком увлекается описанием политических событий, вовсе оставляя без внимания другие сферы общественной жизни. Ему ставили в вину небрежность в работе с источниками, очевидную пристрастность и желание подогнать свидетельства памятников под свою концепцию, а также излишнюю риторичность и выпендренность стиля. Нельзя не признать, что для подобной критики имелись определенные основания. Однако в связи с нашей темой стоит отметить следующее. Д.Дуглас в работе 1946 г. сетовал на то, что имя Э.Фримана и его книга были несправедливо преданы поруганию и забвению, и теперь «большинство студентов судит о Фримане только по статьям его злейших врагов» (8, с. 21). Но колесо истории (и историографии) сделало еще один оборот, и ситуация изменилась. Ссылки на «Историю нормандского завоевания в Англии» можно встретить во многих современных работах, принадлежащих «повествовательной традиции» (2, 7, 14). Рецензент «Speculum» упрекает автора современной биографии Харольда, сына Годвине Я.Уолкера (24) в том, что тот, «стремясь заполнить пробелы источников слишком дает волю воображению, а в своем стремлении нарисовать портрет идеального героя грешит против истины». Не правда ли в этих упреках слышится нечто знакомое? Труд Фримана невольно приходит на память, когда читаешь «биографический триптих» Ф.Маклинна (15) с его апологией семейства Годвине (эта работа будет обсуждаться в III главе). Впрочем, не стоит на основании этого делать вывод, что некоторые нынешние историки возвращаются к патриотическим идеям «историографии вигов». Э.Фриман писал в превосходных степенях об англосаксонской государственности, якобы разрушенной нормандцами; а Годвине и Харольда пытался представить ее защитниками, «патриотическими лидерами» — и эти идеи, как и полемика с ними, безвозвратно отошли в прошлое. Но чуть ли не в каждой строке его книги звучит также искреннее восхищение англосаксонской культурой, горячим поклонником которой он был и носителями которой у него выступают опять-таки Годвине и его сыновья. Именно в этом качестве их воспринимают и почитают названные мною авторы и ми. др.

Вернемся, однако, назад, к моменту выхода в свет «Истории нормандского завоевания в Англии». Дальнейшее развитие исследований нормандского завоевания происходило не столько в русле

заявленных в ней идей, сколько в полемике с ними. Полемика эта шла по нескольким направлениям. В области политической истории была поставлена под сомнение сама идея о том, что в 1066 г. англичане были «нацией», в современном смысле этого слова. «Скептики» соглашались, что в этот период жители Англии порой ощущали себя единым народом, и подобные чувства даже нашли выражение в Англосаксонской хронике, но в политической сфере они практически не проявлялись. Для политической истории Англии начала XI в., утверждали сторонники этой точки зрения, характерно соперничество крупных областей; а главной особенностью ее социальной структуры были существенные местные различия. Согласно новым воззрениям, Харольд еще менее, чем его предшественники на троне мог считаться «королем англвов», а герцог Вильгельм просто завоевал по очереди отдельные провинции, а в некоторых даже нашел поддержку.

В тот год, когда был опубликован последний том «Нормандского завоевания в Англии», в Дании вышла в свет первая книга четырехтомного труда Стиенструпа «Normanerne», посвященного истории скандинавских стран. Эта монография послужила толчком к развитию скандинавских исследований, в том числе и в Англии, что позволило историкам увидеть проблему нормандского завоевания в новом свете. Ф.Стентон в своих ранних работах «Грамоты Дanelо» и «Даны в Англии», подкрепленных в дальнейшем систематическим исследованием топонимики англосаксонского периода, со всей убедительностью показал, что последствия скандинавского заселения Англии продолжали сказываться вплоть до нормандского завоевания. Из записей англосаксонской хроники и других источников, по его мнению, с очевидностью следовало, что на протяжении всего правления Эдуарда Исповедника существовала вполне реальная угроза возвращения датской династии. «Скандинавские» исследования привели к тому, что события нормандского завоевания стали интерпретировать уже не как борьбу «англичан» и «нормандцев», а как соперничество нормандского герцога, норвежского конунга и уэссекского эрла, исход которого решил, становится ли Англии на последующие века «скандинавской» или «континентально-европейской» страной.

В самом конце столетия появилась еще одна работа, которую можно назвать этапной. В отличие от книги Э.Фримана, во многом

принадлежавшей прошлому и определившей развитие историографии нормандского завоевания скорее «от противного», монография Дж.Раунда «Феодальная Англия» (19) стала основой концепции, просуществовавшей в сознании историков много лет и в конце концов вызвавшей горячие дискуссии. Дж. Раунд, анализируя социальные последствия завоевания, пришел к выводу, что английский феодализм, в основе которого лежала «военная обязанность», был творением нормандцев. Согласно его суждениям, англо-нормандский рыцарь по своему статусу и отношению к военной службе коренным образом отличался от англосаксонского тэна, и феодальная система представляла собой для Англии нечто совершенно новое, не имевшее никаких аналогов в англосаксонском прошлом. Исследователь придавал принципиальное значение тому факту, что Вильгельм заключал договор со своими баронами, по которому те обязаны были, в обмен на землю, предоставлять в распоряжение короля определенное число рыцарей.

Воззрения Дж.Раунда со временем стали «очевидной истиной», а затем дали толчок к «спорам о феодализме», развернувшимся в 1960–1970-е годы. Теперь, как мы увидим, и эти споры стали делом прошлого. Но можно взглянуть на концепцию Дж.Раунда и с иной точки зрения. В свете той характеристики, которую мы дали историографии нормандского завоевания во введении, Дж.Раунд первым отчетливо и ясно сформулировал гипотезу «разрыва». Последователи Раунда, во многом в полемике с Фриманом и «историографией вигов», искавших в англосаксонских институтах истоки знакомого им демократического государства, убедительно доказывали, что нормандское завоевание привело к радикальным переменам в социальной сфере и в области государственного устройства. Г.Адамс в «Истоках английского государства» (1920) со всей определенностью утверждал, что после завоевания уитаногемот¹ был заменен собранием, строившемся по совершенно иным принципам, — феодальной курией, состоявшей из баронов, и именно из этой курии в конце концов вырос английский парламент. Ф.Стентон в работе «Английский феодализм» (1932) показал, какой большой вклад внесли в становление феодальной системы в Англии знатные

¹ Уитаногемот — собрание уитанов, «мудрых», королевский совет в англосаксонской Англии.

нормандские семьи. Основным содержанием англо-нормандской истории, таким образом, оказывалось не противостояние короля и баронов, а последовательная и планомерная реорганизация всего общества, проводимая группой влиятельных лиц с королем во главе.

Примерно в этой точке история изучения нормандского завоевания претерпевает еще один поворот. Дж. Раунд и его последователи, говорившие о «разрыве», обращали внимание исключительно на то, что нормандцы *построили*. Но в какой-то момент исследователи заинтересовались тем, что же нормандцы *разрушили*. Первый шаг в этом направлении сделали не историки, а филологи. В древнеанглийской поэзии, литературе, языке возникал целый мир, погибший безвозвратно в результате завоевания. Под влиянием филологических штудий, историки открыли для себя англосаксонскую культуру, и это заставило многих из них существенно переменить свой взгляд на нормандское завоевание. Д.Дуглас утверждает: «Возможно двумя величайшими достижениями средневековой Англии были древнеанглийская литература и англо-нормандская государственная система. И я надеюсь, что теперь (напомним, что Дуглас писал свою работу в 1946 г. – З.М.) настало наконец время, когда можно будет справедливо воздать должное тому и другому, и взглянуть беспристрастно на суровые десятилетия, разделяющие их». Впрочем, этому последнему пожеланию, судя по всему, не суждено сбыться.

В 1943 г. выходит «Англосаксонская Англия» Ф.Стентона. В этой 700-страничной монографии, охватывающей обширный период с прихода англов, саксов и ютов в Британию и до смерти Вильгельма, нормандскому завоеванию уделено не очень много места. Но поскольку фундаментальное исследование Ф.Стентона до сих пор считается непревзойденной классикой, взгляды его автора, в том числе и на причины и последствия нормандского завоевания, оказали и продолжают оказывать большое влияние на следующие поколения исследователей. Ф.Стентон считал основной причиной завоевания превосходство нормандцев в военной области. Военные ресурсы, имевшиеся в распоряжении Харольда были «велики, но плохо организованы». Кроме того, англосаксы не принимали новейших достижений континентального военного искусства, которые во всех тонкостях были знакомы и доступны Вильгельму. В определении последствий завоевания Ф.Стентон выступает как последовательный

сторонник «разрыва». Он рисует впечатляющую картину перемен (если не сказать – разрушений), которые нормандцы принесли во все сферы общественной жизни – экономику и политику, социальную структуру общества и государственное устройство, церковную организацию и культуру. «Нормандцы, присвоившие Англию, – пишет он, – были жестокой и яростной расой. Из всех западных народов, они ближе всего были к варварскому состоянию. Они не достигли практически ничего в искусстве и учености, а тем более – в литературе, что было бы сравнимо с трудами англосаксов. Но в политике никто не мог их превзойти».

Несколько десятилетий после выхода «Англосаксонской Англии» были периодом «затишья». Авторы монографий, посвященных в целом истории англосаксонского периода по большей части в выборе тем, в толковании материала и в построении изложения следовали по пути, проложенному Ф.Стентоном. Практически во всех них затрагивался, так или иначе, вопрос об «английском феодализме»: действительно ли феодализма не было в Англии, и если был, то в какой мере и в чем он проявлялся и т.п. Весьма показательна в этом смысле монография Г.Лойна (14). Появляется ряд работ биографического плана, посвященных участникам событий 1066 г.: Эдуарду Исповеднику, Вильгельму Завоевателю, Харольду сыну Годвине. В конце 60-х начале 70-х годов в связи с 900-летием битвы при Гастингсе выходит огромное количество книг, посвященных нормандскому завоеванию, но в большинстве своем это были работы «повествовательного» плана, и, как мягко выразилась Д.Стентон, составлявшая дополнения к библиографии 3-го издания «Англосаксонской Англии», не все они были равноценны.

Ощутимые перемены наметились в 70–80-е годы. Началом их послужило то, что еще в конце 60-х годов историки нормандского завоевания стали проявлять интерес к истории Нормандии. О том, что подобное направление исследований может оказаться очень перспективным Д.Дуглас писал еще в 1946 г. Более пристальное и детальное изучение нормандских институтов и военной организации, какими они виделись на основании вновь открытых источников, выявило, что различия между англосаксами и нормандцами были гораздо меньшими, чем казалось историкам полвека назад. Возможно, именно осознание этого факта дало толчок к тому, что в 80–90-е годы многие исследователи начали делать акцент на

преемственности между англосаксонским и англо-нормандским периодами английской истории. Полемика сторонников «преемственности» и «разрыва» остается одной из характерных черт историографии нормандского завоевания в последнее пятилетие.

В завершение этой главы хотелось бы отметить еще одно обстоятельство, которое не имеет непосредственного отношения к нашей теме, но весьма существенно для развития данной области исследований. С 80-х годов выходят и продолжают выходить новые академические публикации источников, связанных с этой темой. Мы упоминали в главе I о новых изданиях Гийома из Пуатье и Генри Хантигдонского. Помимо них были опубликованы произведения Гийома Жумьежского и Уильяма Мальмсберийского, «Хроника аббатства Баттл» и «Уолтемская хроника», на которые мы будем ссылаться ниже, а также «Песнь о битве при Гастингсе». Увидело свет многотомное издание рукописей Англосаксонской хроники. Многие из этих памятников прежде публиковались только в насчитывающей более 100 томов серии «*Scriptores rerum Britannicae*» (так называемом *Rolls Series*) – величайшем и героическом достижении историков-медиевистов прошлого века. Новые издания являются хорошим подспорьем для исследователей и не исключено, что в ближайшее десятилетие это принесет свои плоды.

Глава III

ТРАДИЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ НОРМАНДСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ. НОВЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ

После краткого очерка, позволяющего оценить состояние научных изысканий в области нормандского завоевания к 90-м годам XX в., обратимся к анализу того, что нового было привнесено в эти исследования в последние годы. Изменения происходили по двум направлениям. Они нашли свое отражение, во-первых, в смене акцентов при постановке и решении вполне традиционных проблем социальной, политической или военной истории завоевания. Во-вторых, они дали возможность исследователям выйти за рамки этой

проблематики и обратиться к принципиально иным вопросам и методам, о которых пойдет речь в следующей главе.

Историки, использующие традиционные подходы, часто ссылаются на собственную «старомодность». Н.Хайам замечает, что его книга «может показаться слишком *традиционной*» (11, с. XIX). К.Де Фрис объявляет, что пишет «военную историю *на старый манер*» (7, с.2); Ф.Маклинн указывает, что героями его «биографического триптиха» стали «*трое великих людей*», *если использовать этот вышедший из употребления термин*» (15, с. XIV). Многие адресуют свои книги «студентам» или «широкой аудитории» и большинство этих публикаций принадлежат «повествовательной» традиции. Однако их авторы, как мы увидим, порой приходят к новым и интересным выводам, настолько неожиданным, что им могли бы позавидовать самые заядлые новаторы. Так, Дж.Бредбери (2) выдвигает весьма убедительные доводы в пользу того, что битва при Гастингсе, возможно, происходила не на холме Баттл Хилл, как написано во всех школьных учебниках, а на Калдбек Хилл, «сборном пункте» англосаксонского ополчения.

Если говорить о методах, то при ближайшем рассмотрении здесь также обнаруживаются некие новые элементы, существенно отличающие рассматриваемые нами публикации от такого же плана работ 20-летней давности. Главных отличий два.

Если ранее историки, строя свой анализ или рассказ, обычно исходили из неких общих схем или концепций, то теперь они все чаще обращаются к частностям, к «реальности», т.е. ко всему разнообразию явлений, не укладывающихся в жесткие рамки категорий и построений. Подобную тенденцию отмечает и М.Чибнейл: «На смену изучению государственных институтов пришло обсуждение местных особенностей и различий; привычные споры о феодализме уступили место размышлениям о разнообразных формах и видах власти и владения, и опыте завоевания, как процесса в который вовлечены и колонизаторы, и завоеванные. Исследования социальной структуры обрели новое звучание в связи с проблемами семьи, гендера и малых сообществ. И наконец привычнейшая из всех тем — роль нормандского завоевания в формировании английского национального государства — оказалась не столь актуальной в сравнении с проблемами идентичностей и представления их через «своих» и «чужих»» (4, с. 98).

Сказанное можно наглядно пояснить на примере отношения нынешних исследователей к проблеме «феодализма». По этому поводу было сломано много копий. В сознании историков понятие «феодализма» оказывалось тесно связано с проблемой военной организации англосаксов и нормандцев, с вопросом о социальных переменах, принесенных завоеванием, с интерпретацией «Книги Страшного суда». Исследователи отвечали на многие конкретные вопросы, связанные с завоеванием, исходя из своих представлений о том «принесли ли нормандцы феодализм в Англию». Теперь положение изменилось. Дж.Бредбери, обсуждая организационные принципы построения англосаксонского и нормандского войска, замечает: «Данный вопрос сильно запутан долгими дебатами о феодализме. Историки выбивались из сил, пытаясь определить это понятие, и не удивительно, поскольку в каком-то смысле оно существует только в их воображении. На деле это означает, что каждый исследователь может подразумевать под феодализмом нечто свое. Мы же должны постараться увидеть то, что существовало в реальности. Ибо некая система действительно существовала — иначе быть не может» (2, с. 96) И далее, в заключительной главе, где речь идет о последствиях завоевания, тот же автор пишет: «Социальные последствия завоевания обычно обсуждаются в терминах феодализма. Мы уже замечали, что между общественными структурами Англии и Нормандии было много общего. Современные исследователи склонны подчеркивать более их сходство, нежели различие. Феодализм, как уже говорилось, является скорее построением историков, чем фактом средневековой жизни, и они могут делать из него что хотят, каждый по своему выбору. Если же вместо рассуждений о том, принесли ли нормандцы в Англию феодальные отношения, мы просто спросим, как изменилось английское общество в результате завоевания, ответ найдется быстрее и будет более разумным» (2, с.234). Это, конечно, крайняя точка зрения, причем выражена она достаточно резко, но, по сути, не один Дж.Бредбери придерживается подобного мнения.

Если авторы и пытаются выстроить рассуждения в рамках некоей общей концепции, они пользуются ею скорее для того, чтобы систематизировать материал и предложить, исходя из нее, объяснения конкретных исторических фактов. Так, Н.Хайам анализирует политическую жизнь Англии X—XI вв. в предположении, что

нормандское завоевание было порождено кризисом престолонаследия, вызванным борьбой за власть среди знатных англосаксонских семейств. К.Де Фрис утверждает, что основное содержание европейской истории XI в. составляла борьба «военных вождей», утверждавших свою власть благодаря «военной легитимности».

Второе отличие состоит в том, что при построении гипотез или толковании событий учитываются не только «исторические», но и «психологические» факторы и характеристики. О том, сколь важное место занимает в современной историографии нормандского завоевания анализ «мировосприятия» пойдет речь в следующей главе. Но и авторы рассматриваемых здесь работ пользуются такого рода подходами. Хотя исследователь нигде не указывает этого впрямую, вся концепция Н.Хайама строится на том, что до определенного времени в сознании англосаксов присутствовало традиционное уважение к «королевской крови», и именно утрата этой традиции привела в конечном итоге к нормандскому завоеванию. Дж.Бредбери считает, что в англосаксонской Англии не было кавалерии потому, что сами принципы кавалерийского сражения противоречили принятой в обществе воинской этике. К.Де Фрис, давая характеристику военного искусства англосаксов, ссылается в том числе на поэзию — поэму «Беовульф» и «Битву при Мэлдоне»; его интересуют помимо прочего символическая роль оружия, как показателя социального статуса, обычаи и нормы, связанные с разными видами оружия и его «психологические» функции. Ф.Маклинн, объясняя поступки и взаимоотношения своих героев, оперирует определениями из арсенала современной психологии.

Рассмотрим теперь уже упоминавшиеся выше работы более подробно. Однако, чтобы понять яснее, что представляют собой сейчас «традиционные» направления исследований. Если во введении классификации, монография Н.Хайама «Гибель англосаксонской Англии» (10), стоит, пожалуй, ближе всего к «аналитической» традиции. Автор ее задается одним конкретным вопросом — о причинах нормандского завоевания и отвечает на него, как уже говорилось, исходя из собственной концепции, четко прослеживая необходимые ему связи и не пытаясь «объять необъятное» — свести вместе многочисленные источники, воссоздать детали и т.п.

События 1066 г., пишет Н.Хайам, часто рассматривают в контексте исключительно военной истории, вовсе упуская из вида

политическую основу происходящего. Между тем без анализа политической ситуации, сложившейся в Англии в 1066 г., нельзя ответить хотя бы на такой очевидный вопрос: как случилось, что Вильгельм был коронован всего через 88 дней после того, как ступил на английскую землю, выиграв всего одну крупную битву и принимал заверения покорности от лондонцев, подчинив себе всего лишь один крупный город – Кентерберри; при том что непрерывные, куда более масштабные и успешные нашествия викингов полувеком раньше не приводили к столь молниеносным политическим последствиям? Сама легкость победы Вильгельма, по мнению Н.Хайама, объясняется не его военным превосходством; здесь вступили в действие иные – политические и психологические факторы.

В 1066 г., утверждает исследователь, мы имеем дело с беспрецедентным для Англии того времени кризисом в престолонаследии. Суть его в следующем. При том, что в англосаксонской Англии наследование королевской власти редко происходило без некоего соперничества, а то и открытого столкновения разных претендентов, в подобных случаях издавна действовали простые неписанные правила, определявшие успех того или другого кандидата. Наследник избирался только из членов королевского рода, по возможности из сыновей (предпочтительно – старший сын) или братьев предыдущего короля. Решающее значение имела воля прежнего властителя, если он сам называл своего преемника. Помимо этих двух условий, устанавливавших легитимность наследования, принимались во внимание и другие обстоятельства, делавшие его возможным. Учитывался возраст: молодой мужчина имел преимущества перед юношей или человеком пожилым. Кроме того, претендент должен был быть признан политической элитой – королевскими советниками, знатными эрлами и высшими церковными иерархами времен прежнего правления. К 1066 г. среди потомков древней правящей династии Кердика не осталось никого, кто удовлетворял бы хоть в какой-то мере этим требованиям, и предприимчивые люди внутри и вне Англии увидели уникальную возможность попытаться счастья.

Такое понимание существа происходящего позволяет Н.Хайаму поставить вопрос о причинах нормандского завоевания в рамках изучения расстановки и изменения баланса сил в высших правящих кругах. Основное внимание он уделяет участию и роли этих

кругов в возведении на престол королевского наследника, или, иногда, в его практическом отстранении от власти.

Показателен круг источников, на которые опирается автор. В их число, помимо Англосаксонской хроники и гобелена из Байё, входят документы — грамоты и завешания. В частности, Н.Хайам делает важные для его исследования выводы о том, кто из эрлов занимал главенствующее положение при дворе на основании порядка и состава свидетелей, подписывавших королевские грамоты. Очень значимым источником сведений для него оказывается завешание Этельстана, старшего сына Этельреда Нерешительного. Хотя Н.Хайам строит свое изложение как рассказ, он старательно избегает оценок и домыслов, в чем-то следуя стилистике своего основного источника — Англосаксонской хроники. Порой простое сопоставление нескольких фактов позволяет историку формулировать вполне логичные, но не высказывавшиеся прежде в историографии предположения. Примером может служить его гипотеза о том, что Эдмунд Железный Бок умер от ран, полученных во время битвы с Кнутом, или объяснение конфликта между королем и семейством Годвине в 1051—1052 гг.

Оскудение династии Кердика к 1066 г. Н.Хайам напрямую связывает с разногласиями и упадком внутри королевского дома в период 1010—1020 гг., в правление Этельреда Нерешительного¹ (978—1016).

На протяжении V—X вв., пишет Н.Хайам, в Англии исторически сложились четыре относительно самостоятельных области, каждая со своей местной светской и духовной знатью, объединявшейся вокруг одного или нескольких могущественных покровителей — Нортумбрия, Восточная Англия и Восточный Мидленд, Западная Мерсия и Уэссекс. В начале X в. английские короли попытались преодолеть это разделение, объединив всю страну вокруг более сильной чем прежде и более иерархически организо-

¹ Нерешительный (англ. «unready») — неточный перевод древнеангл. «unraed». Это прозвище; очевидно, представляет собой игру слов: имя короля Aethelred — aethele (благородный, славный, подходящий) + raed (совет, замысел). Многие исследователи полагают, что в этом контексте правильней переводить древнеангл. «unraed» как «имевший плохих советников» или, как предлагает С.Кейнс в несколько осовремененном варианте — «плохой политик».

ванной королевской власти. Однако правнук Альфреда Великого – Эдгар, правление которого в более поздней английской традиции получило ореол «золотого века», следовал другой модели, контролируя сильные и вполне независимые местные светские элиты через руководство монастырской реформой и королевский патронаж. В его время вновь получило силу традиционное «четырёхчастное» деление, но королю удавалось поддерживать равновесие сил между могущественными родами, так что ни один из них не мог возвышаться в ущерб другим. После смерти Эдгара борьба за влияние между семьей Этельстана–«полукороля», главенствовавшей в Мидленде и их противниками привела, косвенным образом, к убийству его старшего сына Эдварда (Эдвард-мученик). Эдварду наследовал малолетний сводный брат Этельред. Возлагать на Этельреда какую-либо ответственность за это убийство, как это порой делали хронисты позднейших времен, по меньшей мере неуместно, считает Н.Хайам, но то, что возмужав он не отомстил за смерть сводного брата, как ближайший и единственный родич (скорее всего, он не мог этого сделать, поскольку среди участников сговора была, судя по всему, его мать), изначально бросало некую тень на его правление: нашествия викингов многими воспринимались как кара Господня за это убийство.

Главной «виной» (или бедой) Этельреда было его неумение поддерживать равновесие между соперничающими окружениями сильных местных властителей. Система, вполне успешно функционировавшая во времена Эдгара, рухнула. Возвышение западно-мерсийского эрла Эадрика Жадного, пользовавшегося неограниченным расположением короля, заставило его соперников в Восточной Англии и восточных землях Мерсии, в том числе родичей и друзей убитого им нортумбрийского элдормена Эльфхельма, искать поддержки у старшего сына Этельреда – Этельстана, которого все полагали самым вероятным наследником короны. Такова была еще одна привычная схема англосаксонской политики, указывает Н.Хайам – все недовольные нынешним королем (если таковые находились) старались снискать расположение старшего этелинга. Брачный союз Этельреда с дочерью нормандского герцога Эммой преследовал, по мнению Н.Хайама, чисто дипломатические цели: Этельред хотел таким образом создать основу союза, направленного против викингов. Однако его намерение передать корону старшему

сыну от этого брака — Эдуарду, породило определенную напряженность в отношениях между ним и Этельстаном, а кроме того заставило отстраненных от власти магнатов искать иных путей для достижения своих целей. Поразительная беспомощность королевских элдорменов в военных действиях против захватчиков, которую столь ярко живописует Англосаксонская хроника, объясняется, по мнению Н.Хайама, не столько их глупостью или трусостью, сколько тем, что все они больше заботились о том, чтобы сохранить и упрочить собственное положение и расправиться с возможными соперниками, нежели о том, чтобы защитить землю от завоевателей. Когда в 1012 г. Этельред нанял в качестве «личной гвардии» датского ярла Торкеля с его флотом, страх перед Эадриком и, отчасти, перед самим королем, уже заслужившим недобрую славу своими резкими и неоправданно жестокими действиями в отношении тех, кто утратил его доверие, толкнул соперников Эадрика к тому, чтобы попытаться обеспечить себе поддержку другого скандинавского предводителя. Именно они в 1013 г., после того как Этельстан — то ли не желая открыто выступать против своего отца, то ли уже будучи тяжело болен (он умер, в 1014 г.), отказался от роли политического лидера, поддержали датского конунга Свейна (Свейн Вилобородый), претендовавшего на корону.

Этельред с Эммой и двумя сыновьями от второго брака бежал в Нормандию, однако вернулся после смерти Свейна, последовавшей через два месяца после признания его королем. Он умер в 1016 г. Его сын Эдмунд (Эдмунд Железный Бок), младший брат Этельстана, получивший от него по завещанию доспехи и меч («меч короля Оффы») и одновременно унаследовавший главенство над его сторонниками, был полон решимости отстаивать свое право на корону и защищать страну от разорения. Он дал бой Кнуту, сыну Свейна, заявившему свои притязания на королевство, однако проиграл эту битву (из-за предательства все того же Эадрика Жадного, который, как полагает Н.Хайам, не был заинтересован в победе ни того, ни другого претендента, и пытался привести ситуацию в некое «равновесие»), и сам умер через три месяца (по мнению Н.Хайама, скорее всего от ран, полученных на поле боя), предварительно заключив соглашение с Кнутом о совместном правлении в королевстве.

Усилия Кнута были направлены в первую очередь на укрепление собственной власти как законной и легитимной. Одним из шагов на этом пути стал его брак с Эммой – вдовой Этельреда, годившейся ему в матери. Этот брак для него также был вторым – первая жена Кнута, Эльфгиву, дочь нортумбрийского элдормена Эльфхельма, убитого Эадриком Жадным, в те времена была еще жива. Запись Англосаксонской хроники о том, что в 1017 г. «были убиты» несколько представителей знати, в основном отпрыски могущественных родов юго-западных областей Англии, Н.Хайам трактует как свидетельство заговора против Кнута со стороны бывших сторонников Этельреда (все эти семейства имели тесные связи с Эадриком Жадным, имя которого открывает перечень Хроники). Вероятно, они хотели возвести на трон последнего оставшегося в живых сына Этельреда от первого брака – Эадвига. В той же статье 1017 г. говорится, что «король Кнут сражался с этелингом Эадвигом и обратил его в бегство». Н.Хайам считает, что Эадвиг, судя по всему, бежал из Англии в 1017 г., но позднее вернулся и погиб от руки Кнута после второй попытки заговора в его пользу – в 1020 г.

Не менее серьезные последствия, во многом определившие дальнейшее развитие событий, имело возвышение эрла Годвине. Его имя впервые появляется в завещании Этельстана, согласно которому Годвине, сын Вульфнота, получил обширные владения в Суссексе. Н.Хайам считает, что у нас есть все основания отождествлять отца Годвине с тем Вульфнотом, «принцем Суссекса», который, по свидетельству Англосаксонской хроники, выступил против Эадрика Жадного (и, косвенно, короля Этельреда), за это был лишен всех своих земель и изгнан. В какой-то момент между 1013 и 1016 гг. Годвине примкнул к сторонникам Кнута и, судя по всему, стал одним из ближайших его помощников. Имеется свидетельство (которое, правда, Н.Хайам не считает вполне достоверным), что Годвине сопровождал Кнута во время его пребывания в Дании в 1022–1023 гг. (датскую корону Кнут получил в 1018 г., после смерти брата). В 1023 г. Годвине женился на Гюте, сестре ярла Ульфа, мужа единственной родной сестры Кнута. Очевидно в это время он стал первым королевским элдорменом и военачальником, исполнявшим обязанности наместника, когда Кнут находился в Дании.

Другой важной фигурой, о которой Н.Хайам считает нужным упомянуть, был эрл Леоффрик, сын Леофвине, элдормена Хвиге, и

брат Норсмана — одного из эрлов убитых в 1017 г. К 1035 г. он занял главенствующую позицию в Мерсии и его власть, вкупе с властью Сиварда на севере, служила определенным противовесом влиянию Годвине.

Н.Хайам, излагает все эти события, чтобы подвести итог: королевский род Англии сокрушили не нашествия викингов, его сила и сплоченность были подорваны изнутри. Печальные последствия действий Этельреда сказались еще и в другом. Впервые могущественные элдормены фактически отстранили от власти наследного короля в пользу претендента из другой династии, немало на этом выгадав. Политическая элита запомнила и усвоила урок.

После смерти Кнута в 1035 г. ему наследовали два его сына: Харальд — от первого брака с Эльфгиву и Хардакнут — от брака с Эммой. Хардакнут, когда умер его отец, был в Дании, где жил уже несколько лет как официальный наследник Кнута. Харальд оставался в Англии — скорее всего, полагает Н.Хайам, Кнут прочил ему роль наместника при сводном брате. Однако сложилось иначе. Хардакнут не мог приехать в Англию и принять корону, поскольку ему приходилось отстаивать свои владения и статус в Скандинавии. В Англии от его имени правила Эмма при поддержке Годвине. Харальд, заручившись помощью эрла Леофрика, стал претендовать на регентство, а потом и на королевскую власть к северу от Темзы. Через год, оставив все надежды на возвращение Хардакнута, Эмма, призвала из Нормандии своих сыновей от Этельреда — Эдуарда и Альфреда. Эдуард высадился с небольшим флотом на Саутгемптоне, но не встретил там никакой поддержки и повернул назад. Его брат пересекал пролив юго-восточным курсом от Булони и попытался добраться по суше до Винчестера, но был схвачен эрлом Годвине, который, по свидетельству Хроники, убил его спутников, а самого Альфреда передал в руки Харальда. Источники, замечает Н.Хайам, возлагают на Годвине ответственность на эти деяния, в том числе за мученическую смерть Альфреда (Харальд ослепил его и заключил в стенах монастыря, где тот и умер), однако он был, что называется, в своем праве. У Годвине имелись поводы не любить сыновей Этельреда, преследовавшего его родичей, а в его обязанности как эдромена входило защищать южное побережье от любых чужеземцев. Видимо, эти события толкнули Годвине к тому, чтобы перейти Харальда: Эмме пришлось искать убежища во Фландрии, а Харальд

стал единоличным властителем Англии. О его правлении, равно как и о правлении Хардакнута после его смерти в 1040 г., указывает Н.Хайам, известно довольно мало. В 1041 г. Хардакнут пригласил в Англию в качестве соправителя Эдуарда, младшего сына Этельреда и Эммы. Эдуард не имел сторонников внутри страны и не мог рассчитывать на помощь Нормандии, раздираемой распрями при малолетнем герцоге Вильгельме, и едва ли мог представлять какую-то угрозу для власти Хардакнута, поэтому, как полагает Н.Хайам, тот счел его вполне подходящей кандидатурой на роль соправителя, присматривающего за Англией во время отлучек короля в Данию. Однако череда ранних и неожиданных смертей (Кнут умер в 1035 г.; Харальд — в 1040 г.; Хардакнут — в 1042 г.) породила смятение среди духовной и светской знати и этим объясняется, по мнению Н.Хайама, та легкость, с которой Эдуард наследовал своему сводному брату.

Спустя 26 лет английская корона вернулась к отпрыску древней королевской династии Кердика. Теперь, переходя к изложению событий, многократно описывавшихся и обсуждавшихся, Н.Хайам несколько отступает от своего строгого и сжатого стиля и делает ряд замечаний, касающихся спорных вопросов и тем. Первое относится к личности короля Эдуарда — вошедшего в историю под именем Эдуарда Исповедника. В позднейших хрониках, в исторических сочинениях и в литературе его часто рисовали или только черными или только белыми красками. Оспаривая тот и другой миф, Н.Хайам утверждает, что он не был ни «святым», ни «болезненным и слабым невротиком, во всем полагавшимся на своих нормандских друзей». Из беспристрастного рассмотрения Н.Хайама со всей очевидностью следует, что Эдуард действовал как разумный правитель и дипломат и его поступки ни в коей мере не определялись ни личными привязанностями, ни истовым религиозным рвением.

У Эдуарда мало было поводов любить Нормандию, где он, вопреки утверждениям нормандских хронистов, пережил, вероятно, не самые лучшие времена. Не больше оснований он имел и для симпатии к Годвине, который стал (пусть и косвенным) виновником смерти его родного брата. Однако в 1042 г. Эдуард отчетливо понимал, что при отсутствии сильных сторонников внутри и вне страны, его единственный шанс — заручиться поддержкой могущественного уэссекского эрла. Годвине, создававшему закат датской правящей династии, ничего не оставалось как заключить союз с

представителем прежнего королевского дома. Этот союз, как полагает Н.Хайам, нашел свое выражение в брачном договоре: женой Эдуарда стала дочь Годвине Эдит. В 1052—1053 гг. король попытался отстранить род Годвине от власти (Н.Хайам считает, что тайной причиной этого было желание короля удалить от себя Эдит, которая, судя по всему оказалась бесплодной, и заключить второй брак) — именно во время этого кризиса Эдуард, возможно, дал некие неопределенные обещания герцогу Вильгельму, желая противопоставить военную силу Нормандии сторонникам уэссекского эрла. Однако Нормандия, постоянно воевавшая со своими соседями, едва ли могла считаться в этом плане сильным союзником и род Годвине в 1053 г. восстановил полностью свои позиции. После смерти Годвине в 1053 г. его земли в Уэссексе и статус первого эрла королевства перешли к его второму и старшему из оставшихся в живых сыновей — Харольду.

Главным вопросом в последнее десятилетие царствования Эдуарда Исповедника, считает Н.Хайам, был вопрос о наследнике. Исследователь полагает достаточно очевидным, что если король какое-то время и рассматривал в качестве возможной кандидатуры герцога Вильгельма, и даже давал ему с дипломатическими целями какие-то обещания, послужившие потом основой для вильгельмовской пропаганды и домыслов нормандских хронистов, то к середине 1050-х годов он отказался от этой мысли. Весьма вероятно, здесь не обошлось без участия Харольда, сына Годвине. Род Годвине, имевший весьма тесные связи с давним соперником Вильгельма графом Фландрии (закрепленные брачным союзом третьего по старшинству сына Годвине — Тости с дочерью графа) и поспособствовавший изгнанию из Англии в 1052 г. нормандских клириков и приближенных Эдуарда Исповедника, едва ли сохранил бы свое положение, получи нормандский герцог английскую корону. Не исключено, считает Н.Хайам, что именно Харольд озаботился поисками другой, более приемлемой для семейства Годвине кандидатуры, результатом чего явилось приглашение в Англию сына Эдмунда Железный Бок Эдварда Изгнанника, жившего тогда в Венгрии. Знаменательно, что первые переговоры с Эдвардом в 1054 г. вел епископ Эалдред, которого с достаточной очевидностью можно считать «человеком Харольда». Эдвард приехал в Англию в 1057 г. с женой и малолетним сыном Эдгаром (Эдгар Этелинг), но умер

практически сразу по приезде. По мнению Н.Хайама, нет никаких оснований считать эту смерть неестественной. Единственным потомком мужского пола королевской династии Кердика, кроме Эдуарда Исповедника, остался Эдгар Этелинг. Его слабость как претендента на корону очевидна: он был еще мальчиком, чужеземцем и не имел родичей и сторонников внутри королевства.

Далее Н.Хайам прерывает свое изложение, чтобы обсудить еще одну «вечную тему» — клятву Харольда. Он кратко пересказывает версии, предлагаемые гобеленом из Байё, Гийомом из Пуатье, и Эадмером¹, после чего дает свою трактовку событий. По его мнению, Харольд, скорее всего, в 1064 г., по своей инициативе отправился в Нормандию, возможно, желая присмотреться поближе к вероятному сопернику в борьбе за корону. Был ли он и правда захвачен в плен графом Понтье и вызволен Вильгельмом, или же Вильгельм принудил своего вассала выдать ему англосаксонского эрла, бывшего скорее гостем, чем пленником графа, но, так или иначе, положение Харольда оказалось не слишком выгодным и какого-то рода договор между двумя претендентами был заключен, свидетельством чего служит упомянутый практически во всех источниках предполагавшийся брак Харольда с дочерью Вильгельма. Косвенным подтверждением этой версии служит, как замечает Н.Хайам, то, что на гобелене из Байё возвращение Харольда к королю представлено отнюдь не как возвращение посланца, успешно исполнившего поручение: Харольд склонил голову и простирает к королю руки, а Эдуард Исповедник указывает на него перстом в порицающем жесте. Клирики Кентерберии, где вышивалось это полотно, считает Н.Хайам, наверняка были неплохо осведомлены о закулисных подробностях политики. Что касается другого спорного момента, а именно — назвал ли король Эдуард своим наследником Харольда, то Н.Хайам полагает, что подобное решение, безусловно, имело место. И оно знаменовало собою, по его мнению, начало кризиса 1066 г.

В начале 1066 г. позиция Харольда была сильна как никогда. Он имел репутацию хорошего военачальника и тонкого дипломата,

¹ Эадмер — англо-нормандский историк и агнограф; подробные сведения о нем см. в следующей главе. Он рассказывает кратко о событиях завоевания в начале своей «Новой истории Англии», представляющей собой, по существу, продолжение «Жития Ансельма Кентерберийского», в котором содержится рассказ о мирской жизни архиепископа.

подтвержденную его последней военной кампанией против Уэльса и деятельностью в качестве посредника во время «нортумбрийского кризиса». За него было слово короля и только что заключенный союз с последними соперниками семейства Годвине – потомками мерсийского эрла Леофрика. Его возможный соперник, Эдгар Этелинг едва ли мог рассчитывать на поддержку хотя бы некоей части знати. Политическая элита помнила уроки времен правления Этельреда – печальные последствия возведения на трон юного наследника при наличии сильной соперничающей группировки (в 978 г. подобная ситуация привела к убийству короля – сводного брата Этельреда – Эдварда) и успех, выпавший на долю тех, кто отказался поддерживать оскудевшую и ослабленную внутренними распрями древнюю династию и передал корону сильному претенденту со стороны. Не будь этих уроков, полагает Н.Хайам, даже при всех прочих условиях амбиции Харольда едва ли были бы удовлетворены, да и сам он скорее всего довольствовался бы ролью регента при юном короле.

Н.Хайам дает описание военных кампаний 1066 г., но они, в рамках его концепции, оказываются не настолько значимыми. По его мнению, решающим событием явилась не сама битва при Гастингсе, а смерть Харольда. Многие короли проигрывали битвы, и Вильгельм едва ли достиг бы цели, останься Харольд в живых. Но он погиб, и его поражение и смерть от руки нормандцев после триумфальной победы над Харальдом Суровым, имевшем славу непобедимого воина, были однозначно восприняты как знак незаконности и несправедности его правления. Как результат – взоры знати незамедлительно обратились к наследнику королевского рода, Эдгару Этелингу. Н.Хайам считает, что, несмотря на отсутствие прямых указаний в источниках, его можно добавить к перечню пяти королей, властвовавших в Англии в тот печальный год, хотя срок его правления чрезвычайно краток. Главная слабость Эдгара и его сторонников заключалась, по мнению Н.Хайама, в том, что они не располагали достаточной военной мощью: вследствие несчастного стечения обстоятельств репутация молодых северных эрлов Эадвине и Моркере (которую они начали приобретать весной, когда успешно отразили нападение Тости) была подорвана их исключительно неудачными действиями против Харальда Сурового, и они не могли рассчитывать на то, что таны Уэссекса и западной Мерсии примут их командование, а войска севера понесли огромные потери в сражениях у Гейт Фулфорт и

Стемфордского моста. Из прежней политической элиты, указывает Н.Хайам, к тому моменту остались в живых в основном духовные лица, и им, вероятно, правление нормандцев виделось неким подобием правления датской династии: Кнут, сместив практически всех могущественных представителей светской знати, церковных иерархов не тронул, даже, напротив, покровительствовал им, желая утвердить себя в роли «христианского короля». Признание претендента, изначально не удовлетворявшего ни одному из условий, необходимых для получения короны – Вильгельм не принадлежал к королевскому роду, он не был назван как наследник прежним королем, не имел сторонников среди светских магнатов и не пользовался поддержкой высших духовных лиц – стало закономерным результатом кризиса, начало которому положили махинации Харольда, сына Годвине, выбор Эдуарда Исповедника и решение королевского совета в начале 1066 г., а еще ранее – череда событий, пущенная в ход после смерти короля Эдгара.

Особенности работы Н.Хайама, как последователя «аналитической» традиции, становятся отчетливо видны, если сравнить «Гибель англосаксонской Англии» с другим исследованием, автор которого в своем изложении и интерпретации также исходит из некой концепции. Речь идет о монографии Келли Де Фриса «Норвежский военный поход в Англию в 1066 году» (7). Хотя К.Де Фрис не касается непосредственно истории нормандского завоевания, а завершает свое рассмотрение битвой у Стемфордского моста, книгу уместно обсудить здесь, поскольку речь в ней идет о тех же самых событиях. Как уже упоминалось, автор во введении заявляет, что пишет «военную историю на старый манер»; однако в действительности, эта история, хотя и излагается со многими отступлениями, служит иллюстрацией одного тезиса, поставленного в центр анализа. Этот тезис автор сообщает в предисловии. «Одиннадцатый век, – пишет он, – весь прошел под знаком военных вождей. Эти воинственные властители, которые держали в страхе и приводили к покорности соседей и приобретали почет, земли и богатство благодаря насилию, по сути, мало чем отличались от тех правителей, которых в современном мире называют военными диктаторами» (7, с.2). Их авторитет держался на, как называет ее К.Де Фрис, «военной легитимности», т. е. умении доказать и постоянно подтверждать свое, более чем сомнительное с

политической точки зрения, право на власть блестящими и жестокими военными победами.

Уже здесь следует указать на различие в методах Н.Хайама и К.Де Фриса. Мы уже отмечали в предисловии, что разница между двумя «традициями» видна в том числе и в подходах к исследуемому материалу. Н.Хайам, строя свою схему политической борьбы в Англии X—XI вв., исходит из категорий внутренне присущих обществу того времени. Целью знатных эрлов было благополучие и процветание семьи, рода, а для этого требовались богатство и власть. Концепция Н.Хайма возникает, пусть неявно, из внимательного рассмотрения представлений прошлого. В противоположность этому тезис К.Де Фриса — это утверждение современного человека, оценивающего происходящее «снаружи», с точки зрения нынешних понятий. Нечто подобное делает и Ф.Маклинн, о книге которого речь пойдет ниже.

По мнению К.Де Фриса, на «военной легитимности» основывалась власть Вильгельма Завоевателя, императора Генриха III и графа Фландрии Балдуина V. «Военными вождями» в обозначенном выше понимании были предводители первого крестового похода, которые сумели настолько возвыситься над своими высокородными сотоварищами и спутниками, что контролировали не только действия крестоносцев, но и завоеванные ими земли.

К.Де Фрис ставит своей целью показать, что военными вождями, обладавшими «военной легитимностью» можно считать также и Харальда Сурового и Харольда сына Годвине. «Харальд Суровый и Харольд сын Годвине достойны занять подобающее место в перечне военных вождей XI в., они могли заключать союзы или сражаться с другими властителями того же сорта и пользоваться уважением восхищенных соратников или врагов — всех, кто понимал, что войны редко выигрываются умением и талантом, и часто проигрываются из-за упрямства или невезения» (7, с. 3).

Посмотрим теперь, какими источниками пользуется автор. Он перечисляет их и дает им краткую характеристику в предисловии. Источники эти практически все нарративные, «как и данная история» (7, с. 4). Единственное исключение составляет «Книга Страшного суда», из которой К.Де Фрис почерпнул данные о владениях семейства Годвине. Исследователь включает в свое рассмотрение все «основные» источники, названные нами в главе I.

Об авторской позиции косвенным образом свидетельствуют добавления к перечню. Во-первых, К.Де Фрис предпочитает использовать не Англосаксонскую хронику, а составленную на ее основе в начале XII в. Хронику Иоанна Вустерского. Эта «Хроника хроник» написана на латыни и отличается от своих «оригиналов» тем, что в ней содержится больше красочных деталей и авторских оценок. Также К.Де Фрис привлекает к рассмотрению «Английскую историю» Джеффри Гаймара — стихотворное переложение Англосаксонской хроники на старофранцузский язык (около 1140 г.) Третий «дополнительный» источник — «Уолтемская хроника», составленная в Уолтемском аббатстве, основателем и покровителем которого был Харольд сын Годвине. Она датируется, очевидно, XII в. Автор широко использует также скандинавские письменные памятники: «Деяния гамбургских архиепископов» Адама Бременского, «Деяния датчан» Саксона Грамматика, «История Норвегии» Теородика, собрания исландских королевских саг и «Круг Земной» Снорри Стурлусона. Следует отметить, что К.Де Фрис не выстраивает «иерархию» источников, как это делает, например, Дж.Бредбери, а черпает нужные ему для рассказа сведения отовсюду, принципиально не давая им оценки. Его книга, помимо прочего, предоставляет замечательный материал для знакомства с памятниками английской и скандинавской истории первой половины XI в. Помимо собственных переводов К.Де Фрис приводит в подстрочных сносках цитаты на языке оригинала.

Н.Хайам строит свой рассказ по четкой схеме, проводя одну мысль и отсекая все лишнее. Изложить содержание книги К.Де Фриса достаточно сложно, поскольку она представляет собой по большей части подробный пересказ того, что написано в источниках. Там, где автор дает объяснения или делает выводы, он исходит из своей концепции.

Рассказав кратко историю викингских нашествий на Англию 793—890 и 991—1016 гг., приведших к образованию данело и затем к «датскому завоеванию», К.Де Фрис делает вывод, что к моменту коронации Кнута вся Англия стала англо-скандинавской и во многом оставалась такой по духу всю первую половину XI в. Далее он рассматривает основные моменты биографии норвежского конунга Харальда Сурового: битву при Стикластадире, в которой Харальд, тогда еще 15-летний юноша, сражался вместе со своим сводным

братом; бегство из Норвегии; военную службу на Руси, а потом в Византии; возвращение в Норвегию; завоевание власти в Норвегии; войны со Свейном Эстридсеном. Харальд Суровый, доказывает К.Де Фрис, был типичным военным вождем, утверждавшим свою «военную легитимность». Характеризуя его как правителя, автор заключает, что «по нашим представлениям он был деспотом, но по меркам XI в. мог считаться славным конунгом-воином». Далее рассказывается об уэссекском эрле Годвине, отце Харольда, «военном вожде, который посредством военной легитимности стал самой могущественной персоной в Англии первой половины XI в.» К.Де Фрис восстанавливает по источникам историю возвышения Годвине во времена Кнута, его действия как «творца королей» во времена Харальда сына Кнута, Хардакнута и в первые годы правления Эдуарда Исповедника. Далее исследователь рассматривает подробно историю изгнания и возвращения семейства Годвине в 1051–1052 гг. и дает свою трактовку происходящего. По мнению К.Де Фриса, Эдуард Исповедник сам не был военным вождем и придя к власти первоначально использовал в этой роли Годвине. Но в 1051 г. король решил заменить уэссекского эрла, уже весьма пожилого, кем-либо из молодых и многообещающих военных вождей-нормандцев. Однако они не оправдали возлагавшихся на них надежд, а Годвине подтвердил свою репутацию. «Его возвращение в 1052 г., — пишет автор книги, — нельзя расценивать иначе, чем как военную операцию». После этого король, считает К.Де Фрис, сознательно перешел на вторые роли, предоставив всю полноту власти правителям, обладавшим «военной легитимностью». Затем в книге рассказывается кратко о тех членах семейства Годвине, которым не отведено места в последующем повествовании, в частности, о старшем сыне Годвине, Свейне. Характеризуя Свейна, убившего своего родича и объявленного за это «нидингом»¹, К.Де Фрис замечает, что тот воспитывался, как положено сыну и наследнику военного вожды, и сам был военным вождем, но перешел границы того, что может оправдать «военная легитимность». Далее К.Де Фрис излагает биографию Харольда сына Годвине. Автор считает, что Харольд уже в

¹ Это скандинавское слово употреблено в Англосаксонской хронике. В Скандинавии им называли человека, объявленного вне закона за особенно тяжкое и бесчестное преступление.

1053 г., когда занял после смерти Годвине его место, предполагал, что может, утвердив себя в качестве военного вождя, наследовать корону и стремился к этому. Он создал себе репутацию и доказал свою «военную легитимность» в кампаниях против другого военного вождя, валлийского короля Гиффита ап Хливелина, в 1055–1063 гг. Далее К.Де Фрис обсуждает вопрос о поездке Харольда в Нормандию и клятве, якобы данной Вильгельму. Его рассмотрение сводится к тому, что он пересказывает свидетельства источников и в итоге предпочитает оставить вопрос открытым, ограничившись замечанием, что поскольку Харольд в 1064 г. «уже твердо знал, что будет королем», его клятва представляется весьма странным поступком, но она, очевидно, имела место. Продолжая свое повествование, автор сообщает о богатстве Харольда и о покровительстве, которое он оказывал церкви, в том числе об основании Уолтемского аббатства. В заключение он дает характеристику Харольду как королю. Основными моментами, отличавшими недолгое правление Харольда были, как отмечает К.Де Фрис, политическое объединение, экономическая централизация и военные приготовления. В целом, Харольд был хорошим королем и в Англии его любили. Рассказав кратко о судьбе «наложницы» Харольда, Эдит Свансек и его сыновей, К.Де Фрис переходит к обсуждению событий, толкнувших младшего брата Харольда, Тости, к участию в норвежском вторжении 1066 г. Тости, как замечает автор книги, также был военным вождем и утвердил свою «военную легитимность» в совместных с Харольдом кампаниях против валлийцев и в роли эрла Нортумбрии. Исследователь останавливается на основных известных нам эпизодах жизни Тости — свадьбе с дочерью графа Фландрии, назначении эрлом Нортумбрии, дружеских отношениях с шотландским королем Малкольмом, повышении его авторитета при королевском дворе. Основными причинами «нортумберийского бунта» и последовавшего за ним изгнания Тости автор считает, во-первых то, что Тости был «южанином», уроженцем Уэссекса и у него не было столь тесных связей с местными знатными семьями, какие имел прежний нортумбрийский эрл — Сивард; во-вторых, то, что Тости, пользовавшийся благоволением Эдуарда Исповедника с течением лет все больше времени стал проводить при дворе и редко появлялся в своих нортумбрийских владениях. Немаловажным фактором стали и установленные Тости высокие налоги. Оценивая роль Харольда в

происходящем, К.Де Фрис отвергает свидетельства ряда поздних источников о якобы давней вражде и соперничестве между братьями. Он указывает, в частности, на то, что как военные вожди братья во многих случаях действовали заодно и изгнание Тости политически было Харольду невыгодно. Однако, когда Харольд понял, что решить дело миром не удастся, он предпочел пожертвовать интересами брата, чтобы не ввергать страну в междоусобицу. Он, как пишет автор книги, «заботился о стабильности в своем будущем королевстве». Содержание последней части книги, где дается характеристика вооружения и военной организации Норвегии и Англии и восстанавливается, в основном по саговым источникам, предыстория и история норвежского военного похода, не представляет особого интереса в связи с темой нормандского завоевания. Проведя через все изложение свою концепцию «военной легитимности» К.Де Фрис в этой части не старается подвести читателя к каким-либо иллюстрирующим ее выводам, а ограничивается тем, что обсуждает сообщения источников и пытается выстроить из них последовательный рассказ.

Монография К.Де Фриса представляет собой наглядное подтверждение «смещения традиций», о котором было упомянуто во введении. Тот же процесс, хотя и в несколько другом плане, можно проследить на примере книги Дж.Бредбери «Битва при Гастингсе». Если К.Де Фрис предлагает определенную концепцию, Дж.Бредбери ставит своей единственной целью воссоздание в подробностях и деталях хода сражения при Гастингсе. Однако критический подход к источникам, которые исследователь выстраивает в определенную «иерархию», стремление не просто составить из разных свидетельств непротиворечивую картину, но осмыслить и обосновать ее, по возможности объективно взвесив все «за» и «против», сближают Дж.Бредбери с последователями «аналитической» традиции. «История не является точной наукой», – несколько раз повторяет он (2, с.142, 150). Свое обсуждение источников, Дж.Бредбери завершает указанием на то, что большинство памятников, содержащих детальные и яркие описания со множеством живых подробностей, к сожалению, либо поздние, либо вызывают сомнение. «Мы должны как-то миновать эти рифы. В конце концов, наша цель – истина. Мы не можем знать наверняка, что отыщем ее, но по крайней мере должны быть уверены, что действуем честно. Такова задача историка, любого историка – от профессора до скромного студента» (2, с.157).

В связи с книгой Дж.Бредбери можно вспомнить и о другой особенности историографии нормандского завоевания — о делении ее на «нормандскую» «англосаксонскую». Во всех обсуждаемых здесь публикациях (кроме Ф.Маклинна, вовсе не скрывающего своей «годвинистской» пристрастности) принадлежность исследователя к тому или другому лагерю просматривается не столь явно.

Н.Хайам в предисловии обсуждает аргументы в пользу преемственности между англосаксонской и англо-нормандской Англией и указывает на то, что деление истории на «эпохи», разделенные конкретными значимыми событиями, «представляется сомнительной практикой» (11, с. XVII). Далее он оставляет в стороне этот вопрос, поскольку в его монографии речь идет о правящей элите, для которой последствия завоевания очевидны. Завершает книгу короткое послесловие, где Н.Хайам излагает события, последовавшие за коронацией Вильгельма. Оно заканчивается упоминанием о смерти Эдгара Этелинга, «холостого и бездетного» в 1120-х годах, и кратким сообщением о том, что множество англосаксонских тэнов бежали на восток, в Византию, где они и их потомки на протяжении XIII в. составляли основу императорской гвардии верингов. В Константинополе у них была даже собственная церковь, посвященная святым Николаю и Августину Кентерберийскому. «Упоминание о судьбе этих английских тэнов, отказавшихся принять власть Вильгельма и обосновавшихся на востоке, может служить достойным завершением нашего обсуждения гибели англо-саксонской Англии», — гласит последняя фраза книги (11, с. 230). Иначе завершает свою монографию, в заключительной главе которой также обсуждаются последствия завоевания Дж.Бредбери: «Поистине, утверждение, что весь ход английской истории с 1066 г. и по сей день был предопределен битвой при Гастингсе — не столь уж большое преувеличение. То была великая и важная битва; она привела к смене правящей династии, изменила нацию и заслуженно стала одним из немногих исторических событий, которые помнит каждый. Если бы я выбирал даты национальных праздников, день 14 октября был бы одним из них» (2, с.242).

В отличие от Н.Хайама, который никак не затрагивает проблему «преемственности и разрыва» (если не считать упомянутой выше краткой отсылки в предисловии), Дж. Бредбери, по возможности, старается подчеркнуть общие черты в государственной,

военной и социальной организации Англии и Нормандии. В вопросе о том, насколько принципиальными были перемены, происшедшие в Англии после 1066 г., он занимает «среднюю» позицию. Социальная организация в Англии и Нормандии была во многом сходной, считает он, и если попытаться оценить, как изменилось английское общество после завоевания, окажется, что произошло скорее смешение и слияние, нежели перенесение «нормандской» модели на пустое место, оставшееся после крушения англосаксонской Англии. Кроме того, по его мнению, перемены определялись по большей части, не стремлением нормандцев утвердить свои законы и нормы, а всей обстановкой, сложившейся в Англии после завоевания. Автор готов согласиться с теми исследователями, которые указывают, что низшие и средние слои английского общества почти не почувствовали изменений, хотя принимает и аргументы тех, кто продолжает говорить о нормандском завоевании как о «величайшей национальной трагедии».

Нельзя не отметить и выбор источников. Как уже говорилось, автор подходит к этому вопросу очень серьезно. В качестве основного и главного источника для описания битвы он выбирает сочинение Гийома из Пуатье, а в качестве свидетельства относительно вооружения, gobelen из Байё. Обосновывая свой выбор он указывает, что, с одной стороны, «Деяния Вильгельма» представляют собой наиболее детальный из ранних рассказов о битве, с другой – Гийом из Пуатье был близок Вильгельму и мог получить сведения от хорошо информированных свидетелей. Дж.Бредбери не упоминает о «панегиричности» «Деяний», ограничиваясь указанием на общую пристрастность нормандских источников, хотя упоминает, что «в глазах Гийома Вильгельм был непогрешимым героем, что должно нас слегка настораживать» (2, с.144). При этом, обсуждая Англосаксонскую хронику, он замечает, что ее писали «бенедиктинские монахи, которые, насколько нам известно, мало общались с внешним миром» (2, с.146). Об Уильяме Мальмсберийском Дж.Бредбери пишет, что рассматривает его сочинения «в основном как труды талантливого писателя, а не потому, что в них сообщаются какие-либо важные сведения» (2, с.156). А в работе Ордерика Виталия он слышит «живой человеческий голос, отсутствующий во многих средневековых хрониках» (2, с.157).

Содержание книги Дж.Бредбери, как и книги К.Де Фриса изложить достаточно сложно, поскольку существенную часть ее составляет пересказ событий. Отметим только основные моменты. Излагая предысторию завоевания, Дж.Бредбери не пытается детально анализировать процессы, происходившие в Англии и Нормандии в первой половине XI в., а ограничивается кратким перечислением исторических фактов и общепризнанных среди исследователей этого периода мнений. Основные два вопроса, которые его интересуют: «Благодаря чему стало возможным завоевание Англии?» и «Почему завоевателями стали нормандцы?». Англия, указывает Дж.Бредбери, политически и экономически была очень развитой страной и превосходила в этом отношении большинство европейских государств. Однако непрекращающиеся викингские нашествия и политическая нестабильность постоянно угрожали благополучию королевства. Во времена Альфреда эти трудности были до некоторой степени преодолены благодаря объединению всех местных правителей под властью королевской династии Уэссекса, однако в середине X в., в правление Эдгара, эрлы обрели большую независимость и силу. Проблема взаимоотношений короля с крупными магнатами оставалась, как указывает Дж.Бредбери, главной политической проблемой в Англии и во времена Этельреда Нерешительного, и позднее — в правление Кнута и Эдуарда Исповедника. Однако Англия и в XI в., несмотря на все неурядицы, была богатой и процветающей страной, а отсутствие внутреннего единства и стабильности делали ее заманчивой жертвой для разного рода завоевателей.

Отвечая на второй вопрос, Дж.Бредбери обращается к истории Нормандии, начиная с основания герцогства в 911 г. Его главный вывод заключается в том, что к 1066 г. Нормандия, ставшая уже полностью французской по языку, культуре и политической системе, получила возможность реализовать полностью изначально присущие ей способность и желание экспансии. Авторитет Вильгельма в Нормандии был настолько велик, а созданная им система управления настолько действенна, что герцог мог без особого риска покинуть страну на длительное время; а после смерти его главных врагов — французского короля и графа Анжу — и брака Вильгельма с дочерью графа Фландрии, Нормандия была более-менее свободна и от внешней угрозы. Обстоятельства, замечает Дж.Бредбери, «сыграли на руку» Вильгельму: если бы Эдуард Исповедник умер несколькими

годами раньше, нормандское завоевание Англии не состоялось бы. Далее Дж.Бредбери переходит к сравнительному анализу и описанию вооружения, доспехов, и организации армий Харольда и Вильгельма. Он начинает с общего утверждения, что противники были практически равны по силам. Давно прошли те времена, пишет автор книги, когда считалось, что Вильгельму противостояло плохо вооруженное ополчение с дубинками. Теперь практически все исследователи согласны с тем, что англосаксонское войско было хорошо вооружено и прекрасно организовано и, как и войско Вильгельма, состояло по большей части из профессионалов.

При обсуждении оружия и доспехов, применявшихся англосаксами и нормандцами, автор использует в качестве главного своего источника гобелен из Байё, который он называет «лучшим из свидетельств» (2, с. 78) на эту тему. По утверждению Дж.Бредбери, «чем пристальнее исследователи изучают гобелен, тем большее уважение они испытывают к нему как к источнику исторических сведений» (2, с. 78). Далее автор описывает подробно кольчуги, щиты, мечи, копья, секиры и луки, которые применяли та и другая сторона в битве при Гастингсе, и делает вывод, что вооружение противников было сходным, хотя англосаксы сражались секирами, а луков у них практически не было, в то время как у нормандцев имелись луки и арбалеты, а также боевые кони, представлявшие собой, по сути, главное оружие кавалерии.

Затем Дж.Бредбери переходит к анализу организации и структуры нормандского и англосаксонского войск. Опять-таки, подчеркивает он, при беспристрастном рассмотрении мы обнаруживаем гораздо больше общих черт, нежели различий. Требование беспристрастности здесь отнюдь не лишнее, ибо, по словам Дж.Бредбери, вопрос этот в сознании историков тесно связан со спорами о «феодализме», которые весьма трудно разрешить, поскольку «каждый исследователь обозначает этим словом нечто свое» (2, с. 96). Не желая вмешиваться в дискуссии на данную тему, автор книги предлагает, «не говоря ни слова о феодализме», посмотреть, «что существовало в реальности» в той и другой стране. Реальность же такова, что и в Англии, и в Нормандии в тот период владение землей было связано с обязанностью нести военную службу. На подобных условиях владели землей тэны — низшая и самая многочисленная прослойка англосаксонской знати; именно они

составляли основу «фюрда» – ополчения. Королевские тэны были особой группой и, по мнению Дж.Бредбери, мало чем отличались от нормандских землевладельцев, служивших Вильгельму.

В 1066 г. основное различие, считает автор книги, заключалось не в том, по какому принципу собирались армии в Англии и Нормандии, а в обстоятельствах, при которых они собирались. Положение Вильгельма было сложнее, ибо Харольд созывал войско для защиты от возможного нападения – ситуация для Англии того времени вполне ординарная, а Вильгельм затевал рискованный военный поход, поэтому ему пришлось призвать на помощь весь свой авторитет и все имевшиеся в его распоряжении ресурсы.

Наконец Дж. Бредбери переходит к обсуждению двух отличий в военной тактике, которые, по мнению многих исследователей, определили исход битвы. Речь идет об использовании лучников и кавалерии. При более пристальном изучении данного вопроса, ситуация оказывается далеко не такой очевидной, какой она иногда представляется историкам.

На гобелене из Байё в рядах англосаксонского войска изображены лучники, но их совсем немного; эти изображения представляют собой маленькие фигурки в нескольких сценах. Однако автору книги кажется маловероятным, что луки не применялись как боевое оружие в англосаксонской Англии, особенно с учетом того, что они широко использовались в качестве такового скандинавами, с которыми англосаксы, по его мнению, в области военного дела имели очень много общего. Более того, если верить исландской «Саге о Харальде Суровом» (которую Дж.Бредбери, в отличие от К.Де Фриса, считает, как и остальные саги, сомнительным источником), англосаксонские лучники участвовали в битве у Стемфордского моста (25 сентября 1066 г.). Дж.Бредбери предлагает следующее решение этой кажущейся загадки. Луки, считает он, в Англии, как и в Скандинавии, были оружием людей незнатных; подтверждением тому служит гобелен из Байё – по мнению исследователей, рост человеческих фигур на гобелене указывает на их статус. Но едва ли у простых воинов имелись особые боевые луки, а в качестве обиходного охотничьего оружия луки делались и применялись в основном в лесистых северных местностях. Поэтому воины-лучники сражались у Стемфордского моста, в своих родных землях; в битве

при Гастингсе помимо воинов Харальда участвовали жители Суссекса и Уэссекса, где луки не были в ходу.

Кавалерии, полагает Дж.Бредбери, у англосаксов действительно не существовало. В источниках, однако, имеется достаточно указаний на то, что знатные воины-англосаксы (как и скандинавы) ездили верхом; упоминаются конные военные отряды. Автору книги кажется очевидным, что, вопреки мнению ряда историков, Харольд и его воины проделали путь с юга на север, к Стемфордскому мосту, а затем с севера на юг, на Гастингс, верхом, а не пешими; иначе скорость их передвижения выглядит мало реальной. Препятствием к появлению в Англии кавалерии был, как считает Дж.Бредбери, англосаксонский воинский кодекс, предписывавший воинам стоять до последнего, побеждать или умирать рядом с королем или лордом. Сам принцип кавалерийского сражения противоречил этой этике – конному легко бежать с поля битвы. В качестве косвенного подтверждения своей гипотезы Дж.Бредбери приводит эпизод из погодной статьи 1055 г. Англосаксонской хроники, в которой говорится, что воины Херефорда под предводительством эрла Ральфа, нормандца, приехавшего в Англию с Эдуардом Исповедником, бежали с поля боя «ибо они были верхом».

Затем Дж.Бредбери рассказывает кратко об основных событиях 1066 г., предшествовавших битве при Гастингсе: смерти Эдуарда Исповедника, коронации Харольда, неудачной попытке Тости высадиться на севере, вторжении объединенного войска Тости и Харальда Сурового, битве у Стемфордского моста и подготовке Вильгельма к военному походу. В своем изложении он придерживается традиционной версии событий, следуя в целом за нормандскими и англо-нормандскими хронистами.

После этого исследователь обращается к обсуждению источников. На этот раздел книги мы уже ссылались. Дж.Бредбери указывает, что главной проблемой, с которой сталкивается историк нормандского завоевания, является отсутствие непосредственных свидетельств очевидцев событий. Мы имеем дело со свидетельствами полученными, в лучшем случае, из вторых рук, поэтому первый вопрос, который приходится решать при оценке источника: откуда черпал сведения хронист и насколько этим сведениям можно доверять. Затем следует уяснить позицию автора данного источника и сделать поправку на его личную пристрастность или предвзятость.

Третьим критерием является датировка источника, установить которую не всегда просто.

На основании этих критериев Дж.Бредбери выстраивает некую иерархию. В качестве основного источника он выбирает, как мы уже сказали, «Деяния Вильгельма, герцога Нормандии и короля Англии» Гийома из Пуатье; следующими по значимости он полагает «ранние» памятники – «Деяния герцогов нормандских» Гийома Жумьезского, Англосаксонскую хронику и гобелен из Байё. К источникам «более поздним и менее заслуживающим доверия» (2, с.157) автор относит «Церковную историю» Ордерика Виталия, «Деяния английских королей» Уильяма Мальмсберийского, «Историю Англии» Генри Хантингдонского; в этот же разряд попадает «Песнь о битве при Гастингсе», датировка которой вызывает серьезные споры. Автор включает в свой перечень также «Роман Ру» Васа и «Хронику аббатства Баттл»¹ (14).

Далее Дж.Бредбери излагает свою версию событий от высадки Вильгельма в Певенси до конца сражения на Гастингсе. В этой военной кампании, считает он, оба противника стремились действовать как можно быстрее. После высадки время работало против Вильгельма и все действия герцога были рассчитаны на то, чтобы вынудить Харольда дать решающее сражение на побережье. Именно с этой целью Вильгельм столь безжалостно разорял земли Суссекса, и, возможно поэтому, полагает Дж.Бредбери, он высадился не в Дувре, а в Певенси, наследственных владениях Харольда. Харольд принял вызов, и тем самым, по мнению автора книги, совершил серьезную ошибку. Однако, замечает Дж.Бредбери, на сей раз вполне в согласии с К.Де Фрисом, наверное, иного выхода у него и не было, ибо его авторитет как короля держался в первую очередь на его военных успехах и способности защитить страну от захватчиков.

Описывая сражение, автор книги разделяет его на три этапа; в промежутках между ними, как он считает, наступали затишья, во время которых войска отдыхали и перестраивались. Решающими факторами, определившими исход битвы, Дж.Бредбери считает гибель младших братьев короля – Леофвине и Гюрта, а потом самого

¹ Аббатство Баттл (Battle Abbey) – монастырь построенный, согласно преданию, Вильгельмом на месте битвы.

Харольда. «В Средневековье, — пишет автор книги, — гибель полководца при отсутствии того, кто мог бы немедленно принять командование, практически всегда означала поражение» (2, с.207).

Однако самый интересный и неожиданный вывод, о котором мы уже упоминали ранее, не относится непосредственно к битве. Среди многочисленных вопросов, возникающих в связи с битвой при Гастингсе, по крайней мере один всегда казался однозначно и легко разрешимым. Где происходило сражение? Конечно, на холме Баттл Хилл, где располагается теперь аббатство Баттл. Дж.Бредбери, не беря на себя смелость оспаривать это давно утвердившееся мнение, приводит ряд убедительных аргументов в пользу другой версии. «Хроника аббатства Баттл», указывает он, написана во второй половине XII в., и Э.Сирл, опубликовавший Хронику в 1980 г., обнаружил, что автор ее часто пользовался поддельными грамотами, с помощью которых монахи монастыря пытались подтвердить свои права на земли и собственность. Хроника, по мнению Э.Сирла, писалась с явным намерением поднять престиж аббатства. Рассказанная в ней история о том, как четыре монаха, приехавшие из Нормандии, осмотрели холм, где происходило сражение, сочли, что он неудобен для строительства, и решили заложить монастырь в другом месте, немного в стороне, а Вильгельм в гневе настоял на своем, имеет, по словам Дж.Бредбери, «тот же “псевдо-реалистический” привкус, что и легенда об обете, принесенном герцогом» (2, с.172). Известно также, что Вильгельм никогда не посещал аббатство Баттл, поскольку оно было достроено уже после его смерти.

Ранние источники, замечает Дж.Бредбери, не определяют точно место битвы, но ряд указаний в них имеется. Рукопись «D», англосаксонской хроники сообщает, что Вильгельм напал на Харольда неожиданно, «у старой яблони». Местоположение этой старой яблони, служившей, вероятно, пунктом сбора «фюрда» было установлено — она располагалась на холме Калдбек Хилл, через который проходили границы трех англосаксонских «сотен» (старые деревья или камни часто служили знаками границ). Гийом из Пуатье, по Дж.Бредбери «главный источник», указывает, что англосаксы расположились на холме, сразу за лесом, и свидетельства «Книги Страшного суда» подтверждают, что за Калдбек Хилл начинался лес. Ордерик Виталий называет в качестве места сражения «Сенлак», что

буквально означает «песчаное озеро». Но около Баттл Хилл никакого озера нет, и едва ли таким именем могли называть холм. А вот неподалеку от Калдбек Хилл, на границе леса озеро, или по крайней мере какой-то водоем был. К тому же, весь рассказ Ордерики оставляет впечатление, что англосаксы прискакали на место, спешились и сражались там же, а не шли маршем еще около мили на поле битвы. На гобелене из Байё изображен «пригорок» и это изображение часто ставило историков в тупик — его пытались идентифицировать с небольшим возвышением перед Баттл Хилл, но это возвышение слишком мало в сравнении с «пригорком» на гобелене. По-соседству с Калдбек Хилл располагается другой, меньший холм. Предположение о том, что сражение происходило на Калдбек Хилл, дает удовлетворительный ответ и на другой спорный вопрос — где именно имел место эпизод, описанный у Гийома из Пуатье: нормандцы, преследовавшие бегущих англов, согласно Гийому, не заметили глубокого оврага, заросшего кустами и попадали в него вместе с лошадьми. Хронист аббатства Баттл пишет, что «лощина была названа в честь того случая и ныне зовется Мальфос», и утверждает, что инцидент произошел на месте битвы. В ряде документов, в том числе в грамотах XIII в., действительно фигурирует название Мальфос. Оно соотносится с оврагом в шестистах ярдах от Калдбек Хилл, носившем имя Дубовый Овраг. Ко всему сказанному, замечает Дж.Бредбери, следует присовокупить и тот факт, что раскопки на Баттл Хилл ничего не дали. Впрочем автор не настаивает на своей версии, и указывает, что излагает ее скорее потому, что она новая, нежели потому, что она представляется ему единственно правильной.

В заключение нашего разговора о «традиции» и «пристрастности» мы рассмотрим еще работу, где они проявляются, пожалуй, отчетливее всего.

Книга Ф.Маклинна (15) представляет собой, по собственному его выражению, «биографический триптих». Подход автора к избранной теме и его позиция раскрыты в предисловии. «Вильгельм, герцог Нормандии был самым хитроумным из троих, Харольд, сын Годвина¹ — самым доблестным, Харальд Хардрада² — самой яркой

¹ Осовремененный вариант др.англ. имени Годвине.

² В нашей традиции — Харальд Суровый. — Прим.реф.

личностью. Но они не были Прометейями и не могли в своих деяниях выйти за технологические и экономические рамки эпохи; они творили историю, но условия, в которых они это делали, не зависели от их воли. Если временами нам приходится говорить о наших героях, как о порождениях определенного социоэкономического окружения, то это отчасти потому, что невозможно написать "чистую" биографию личностей, отдаленных от нас столь большим промежутком времени, о жизни которых практически не сохранилось достоверных свидетельств, отчасти же потому, что на фоне всех ограничений, с которыми им приходилось сталкиваться, их достижения кажутся еще более замечательными» (15, с. XVI).

Несколько особенностей роднит книгу Ф.Маклинна, с работой К.Де Фриса. Как и К.Де Фрис, Ф.Маклинн подробно рассказывает историю своих «героев», пользуясь едва ли не всеми возможными повествовательными источниками. При описании «социоэкономического» окружения, он привлекает обширный круг историографических работ, ссылки на которые даны в сносках. Однако в отличие от К.Де Фриса, стремящегося проиллюстрировать собственную концепцию, Ф.Маклинн не пытается подвести читателей к определенным выводам (впрочем, от биографии этого и не требуется), если не считать выводом откровенное прославление Годвине и, особенно, Харольда. Выбор источников для описания тех или иных событий никак не оговаривается, но намерения автора вполне очевидны. Так, скажем, он излагает историю изгнания семейства Годвине или нортумбрийского бунта 1065 г., пользуясь «панегиричным» «Жизнеописанием Эдуарда Исповедника», а не более сдержанными сообщениями Англосаксонской хроники. Кроме того, Ф.Маклинн опирается на «Житие Харольда», написанное в XIV в. Он легко тасует источники, выбирая всякий раз тот, который больше соответствует его представлениям. Ф.Маклинн часто ссылается на «Нормандское завоевание в Англии» Э.Фримана и его, вероятно, можно назвать «продолжателем фримановской традиции» в лучших и худших ее проявлениях.

Еще одна характерная черта, на которую следует указать, также отмечалась и в связи с работой К.Де Фриса. Ф.Маклинн оценивает происходящее и рассказывает о нем исходя из понятий и представлений своих современников. Так, Эдуарда Исповедника он характеризует как «невротика»; Свейн, старший сын Годвине,

отличался, по его мнению, «маниакальной страстью к скандалам». Тости он называет интровертом, а для Вильгельма Завоевателя было характерно «почти маниакальное стремление оправдать свои действия». «Ему недостаточно было простого признания его власти, он хотел всегда и во всем быть правым».

Если говорить о какой-либо авторской «концепции», проводимой последовательно на протяжении всей книги, то она сводится к утверждению, что в политике XI в. процветал «макиавеллизм» — интриги, заговоры и убийства с помощью яда. В отличие от Н.Хайама, специально подчеркивавшего, что у нас нет оснований считать смерти Харальда, сына Кнута, Хардакнута и Эдварда Изгнанника неестественными, Ф.Маклинн полагает, что все эти исторические персонажи пали жертвами заговоров; мало того, он дополняет этот перечень именами Кнута и Свейна Вилобородого.

Изложение ведется в целом в хронологическом порядке, хотя при этом Ф.Маклинн выделяет в биографиях своих героев некие периоды (интересно, что хронологические границы их примерно совпадают). Изложив кратко историю правления датской династии, Ф.Маклинн приводит сравнительную характеристику социально-экономических систем Англии и Нормандии в 40—50-е годы XI в., при этом подчеркивая их принципиальное различие. После этого он рассказывает об Эдуарде Исповеднике и его противостоянии семейству Годвине, который, как считает Ф.Маклинн, фактически и правил в Англии. Эдуарда Исповедника автор рисует (возможно, следуя Фриману) исключительно в черных тонах, а Годвине и все его семейство (кроме Свейна) всячески стремится представить в лучшем свете.

Затем Ф.Маклинн дает беглый очерк предшествующей истории Нормандии, начиная с первого ее герцога — Ролло. Он обрисовывает расстановку сил в герцогстве, после того как Вильгельм (ему тогда было восемь лет) остался властителем Нормандии, и доводит свое изложение до сражения на Вал-э-Дунэ, в котором французский король Генрих I, покровительствовавший Вильгельму, разбил мятежных баронов, организовавших заговор с целью убить 19-летнего герцога и заменить его своим ставленником. Далее автор останавливается на том, как Вильгельм, чей авторитет после победы был достаточно высок, использовал военную силу и брачные союзы

(по мнению Ф.Маклинна, два его излюбленных метода), чтобы привести нормандские земли под свое владычество.

После этого в книге излагается коротко история Норвегии, начиная с утверждения власти Харальда Прекрасноволосого. Затем Ф.Маклинн обращается собственно к истории своего «героя» — Харальда Сурового. Рассказывая о «византийском» периоде его жизни, Ф.Маклинн попутно освещает достаточно подробно политическую историю Византии XI в., в частности, останавливается на той роли, которую играли «веринги» в ее военных кампаниях и придворных интригах.

Далее он возвращается к событиям в Англии в 1052—1053 гг. По мнению Ф.Маклинна, Эдуард Исповедник в 1051 г. решил, что он «достаточно силен», чтобы «поквитаться» с могущественным семейством Годвине; «присутствие же в стране нормандских баронов, его родичей, давало ему ощущение собственной безопасности». Найдя предлог — в трактовке Ф.Маклинна им стал отказ Годвине выполнить приказ короля и «наказать» жителей Дувра, взбунтовавшихся против незаконных требований нормандцев, — Эдуард Исповедник лишил Годвине и его сыновей всех владений и вынудил их отправиться в изгнание. Однако через год изгнанники вернулись с большим войском, и поскольку Уэссекс и Мерсия не захотели воевать против «своих», и даже нортумбрийские элдормены, годом раньше поддерживавшие короля, «теперь от него отвернулись», Эдуарду Исповеднику ничего не оставалось кроме как восстановить род Годвине во всех его правах.

После этого Ф.Маклинн обсуждает военные кампании и дипломатические акции герцога в Нормандии, завершившиеся не только объединением всего герцогства под властью Вильгельма, но и расширением его территорий. Ф.Маклинн приводит краткий очерк социального развития нормандского общества в этот период и достижений нормандцев в области военного искусства, задаваясь вопросом о том, была ли Нормандия в тот момент по своей природе более «гальской» или «викингской». Далее автор на основании разных источников пытается составить свой «портрет» Вильгельма, определяя в качестве основных его черт «скупость», «расчетливую жестокость» и желание быть правым.

Затем Ф.Маклинн излагает сложные перипетии борьбы за власть в Скандинавии в 1045—1050 гг. Действия Харальда Сурового,

ставшего в 1046 г. конунгом Норвегии, задавали в ней тон. Говоря о личности этого «прославленного воина Европы», Ф.Маклинн характеризует его как человека «жесткого и решительного», «жадного до богатства и власти», «удачливого», при этом «неплохого поэта» и «покровителя искусств».

Заключительная часть книги представляет собой подробное изложение авторской версии событий нормандского завоевания. Обсуждая вопрос о клятве Харольда, Ф.Маклинн, как и К.Де Фрис приводит варианты из разных источников с указаниями на противоречия и слабые места в каждом из них, но не предлагает своей концепции, ограничиваясь утверждением о том, что, так или иначе, клятва «не имела силы». Характеризуя Харольда, сына Годвине, — третьего своего «героя», Ф.Маклинн пишет, что из «трех великих личностей 1066 г., он, наверное, наиболее понятен, лишен тех “зловещих” черт, которые присутствуют у Харальда и Вильгельма». Харольд был «честной и открытой натурой», обладал «солнечным характером» и отличался «беспечной самоуверенностью и доверчивостью». При этом он имел заслуженную славу «талантливой и смелого военачальника» и «умелого дипломата». По мнению Ф.Маклинна, Харольд по сути был некоронованным королем уже в 1057—1058 гг. Одной из главных причин, приведших к «трагическому исходу» событий 1066 г., Ф.Маклинн считает разрыв между Харольдом и его братом Тости в 1065 г. Характер интроверта и религиозность, отличавшие Тости, привлекли к нему симпатии Эдуарда Исповедника, полагает Ф.Маклинн, и давали ему надежды стать королевским преемником через голову старшего брата, которому Тости всегда завидовал. Когда в 1065 г. нортумбрийцы взбунтовались против Тости, «фанатика справедливости» «вершившего правосудие посредством жестоких преследований», Харольд не поддержал его против «лидеров нортумбрийского сепаратизма» — эрлов Эадвине и Моркере — и Тости отправился в изгнание. Исходя из совершенно других соображений, Ф.Маклинн утверждает то же, что и Дж.Бредбери: умри Эдуард Исповедник годом раньше, когда братья действовали заодно — и нормандского завоевания бы не было. Основными виновниками поражения при Гастингсе автор полагает тех же Эадвине и Моркере, «забывших в своей борьбе за независимость Нортумбрии, об интересах страны». По мнению Ф.Маклинна, эрлы нарочно медлили, когда Харольд спешил с севера,

после победы у Стемфордского моста, навстречу войскам Вильгельма. Еще одну ошибку совершил сам Харольд: ему следовало послушаться своего брата Гюрта, когда тот предлагал повести войско в первую битву против Вильгельма, при том, что Харольд останется в тылу и в случае поражения «организует сопротивление». Согласно Ф.Маклинну, Харольд напрасно призвал с собой на Гастингс всех высших эрлов и тэнов, в том числе своих братьев, не оставив никого, кто мог бы принять после него командование.

После краткого эпилога, где говорится о событиях после Гастингса – подчинении Лондона и коронации Вильгельма, следует приложение. В нем автор пытается оспорить расхожее представление, что Харольд, якобы, был убит стрелой, попавшей ему в глаз. Эта версия, которая, как он утверждает, впервые излагается у Уильяма Мальмсберийского, явилась результатом некоего недоразумения: Уильям Мальмсберийский, с одной стороны, перепутал Харольда сына Годвине и Харальда Сурового, о котором в саге говорится, что он был убит стрелой, попавшей ему в горло, с другой – опирался на свидетельство гобелена из Байё, где изображен некий воин, пораженный в глаз стрелой. Что касается гобелена, то Ф.Маклинн, в конечном итоге утверждает, что изображения на нем имеют символический смысл и склонен толковать «стрелу в глаз» как образ божественного возмездия – «око за око». Отрицая таким образом ценность гобелена как исторического источника, и указывая на то, что ни в Англосаксонской хронике, ни у Гийома из Пуатье, ни у Гийома Жумьезского никаких подробностей смерти Харольда не сообщается, Ф.Маклинн предлагает опираться на свидетельство, содержащееся в «Песне о битве при Гастингсе» Ги Амьенского. Правда, он замечает, что многие исследователи сомневаются в подлинности «Песни», но сам придерживается иного мнения. Ссылаясь на суждения тех, кто подтверждает достоверность этого источника, Ф.Маклинн заявляет, что Харольда убили четыре нормандских рыцаря, которых Вильгельм выслал против него, когда большая часть англосаксонского войска была разбита и смята.

Подведем теперь итог. Мы видим, что историки нормандского завоевания, работающие в русле «традиционных» направлений, тяготеют скорее к «повествовательности», нежели к «аналитичности», однако это не мешает им привносить в свои исследования методы и представления, характеризующие современную историческую науку.

Второе, что следует отметить, что в этих монографиях находят так или иначе свое отражение споры о преемственности и разрыве, к более подробному обсуждению которых мы обратимся в следующей главе.

Глава IV

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ НОРМАНДСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

В предыдущих главах мы рассмотрели историю изучения нормандского завоевания и увидели, каким образом проблемы и темы, ставшие предметом обсуждения историков еще в XIX в., получили в историографии последних лет новое освещение и развитие. Однако одновременно появились также работы, в которых вопрос о завоевании ставится и решается принципиально по-иному. Если попытаться дать общую характеристику этих исследований, следует отметить три момента.

Во-первых, их тематика соотносится с новыми направлениями исторических изысканий, возникшими или удостоившимися особого интереса историков в 80–90-е годы: изучение исторической памяти, отражение авторского мировосприятия в текстах источников, история церкви и др. Во-вторых, авторы используют для анализа вместо привычных источников «нетрадиционный» материал – жития святых, свидетельства материальной культуры, предания и легенды, отраженные в более поздних памятниках. Наконец, в третьих, во всех этих работах затрагивается так или иначе проблема «преемственности и разрыва», занимающая важное место в современной историографии нормандского завоевания в целом.

Иллюстрацией первой названной особенности может служить книга Э.Ван Хотс (12). Исследовательница оперирует достаточно традиционным кругом источников, однако рассматривает их под новым углом зрения. Ее интересует не объективная достоверность сообщаемых сведений, а намерения автора, писавшего, скажем, в конце XII в. Уолтемскую хронику или хронику аббатства Баттл. Другой очень важный для Э.Ван Хотс вопрос: от кого и по каким цепочкам доходили устные свидетельства, например до Васа, автора «Романа о Ру». Говоря о памяти, Э.Ван Хотс имеет в виду прежде

всего «частные» воспоминания, легенды, связанные с отдельными людьми, а не «общую» информацию о событиях. Ее выводы сводятся к тому, что устные предания, возникавшие и в Нормандии, и в Англии, были частью социальных процессов, связанных с осознанием резких перемен в экономике, обычаях и, в первую очередь, языке. Во втором поколении происходит осознание того, что воспоминания о событиях, которые прежде были общим достоянием, теперь таковыми не являются, и возникает желание собрать и сохранить все, что возможно, передав собранные сведения младшему поколению устно или записав их. Четвертое поколение впервые предпринимает попытки исторического анализа и осмысления случившегося.

Многие нынешние исследователи склонны подчеркивать преемственность между англосаксонским и англо-нормандским периодами английской истории. Они приводят убедительные доказательства того, что экономика, социальная структура и институты Англии и Нормандии в первой половине XI в. были во многом сходны, и утверждают, что нормандское завоевание не принесло в жизнь подавляющего большинства англичан радикальных изменений.

Так, одна из горячих сторонниц теории «преемственности» А.Уильямс в своей книге «Англичане и нормандское завоевание» утверждает, что выступления против завоевателей в 1067–1069 гг. были, скорее, проявлениями личного недовольства, чем предвестиями общенародного возмущения. Англосаксонская знать после 1066 г. еще несколько лет сохраняла свои земли и положение, которых лишилась в результате бунта на севере в 1070 г. Этот бунт, к которому присоединились датчане и восточно-английские правители, А.Уильямс считает серьезной ошибкой, ибо он привел к ужесточению политики Вильгельма и созданию «Книги Страшного суда». Но даже в последующие годы ситуация, в изложении А. Уильямс, выглядит не столь мрачно. Анализируя материалы, касающиеся Дорсета, Кента, Кембриджшира, Шропшира, она показывает, что хотя эрлы и богатые тэны потеряли земли, более мелкие собственники остались при своем, вверившись покровительству континентальной знати, поступив на государственную службу или взяв землю в аренду, иногда на жестких условиях. Некоторые «уцелевшие» были судьями или шерифами, другие

служили королевским приближенным или должностным лицам. А.Уильямс называет также девять имен знатных людей (из них две женщины), владевших 25 и более гайдами земли и сохранивших их за собой, Ф.Стентон упоминает о двух подобных случаях. Церковь действовала еще более слажено. Исследовательница настаивает, что имело место не вытеснение англосаксов со всех позиций, а «перераспределение ролей», в результате которого англосаксы, лишенные земель, удержали ключевые позиции в городах и религиозных институтах.

Говоря о культуре, сторонники теории преемственности часто ссылаются на тесные континентальные связи поздней англосаксонской церкви. Они также утверждают, что сообщения англосаксонских клириков о «притеснениях» церкви, последовавших за завоеванием, являются, мягко говоря, преувеличением. В частности, С.Ридьярд (19), полемизируя с утверждением Ф.Стентона о том, что нормандцы «преследовали» англосаксонских святых, замечает, что если поначалу нормандцы и относились к англосаксонским святым подозрительно, эти недолгие колебания не выразились ни в каких конкретных действиях, ибо открыто высказывать свои сомнения в данном случае было крайне неразумно. Уважение к церкви во многом зиждилось на почтении к реликвиям и отказ от поклонения местным святым умалял ее авторитет, а как следствие – авторитет епископов и аббатов. В.М.Эйрд в книге «Святой Кутберт и нормандцы: аббатство в Дарэме, 1071–1153» (1), анализируя «*Libellus de exordio et procurso Dunhelmensis ecclesie*» Симеона Дарэмского приходит в числе прочего к выводу, что автор существенно преувеличил степень разногласий между клерикальной общиной Дарэма и нормандским епископом, реорганизовавшим в 1083 г. общину Св.Кутберта, состоящую из женатого духовенства, в бенедиктинский монастырь. Воссоздавая на основании документов политическую историю Дарэма, В.Эйрд показывает, что духовенство 1083 г. вовсе не воспринимало монастырский устав как нечто чуждое, а Симеон, когда писал книгу, во многом исходил из конфликта своего времени – между монастырем и епископом Ранульфом.

Справедливость аргументов, приводимых сторонниками теории «преемственности» нельзя не признать и, возможно, именно стремление найти контрдоводы подтолкнуло некоторых историков,

настаивающих на «разрыве», к тому, чтобы подойти к проблеме по-другому.

В двух публикациях, которые подробно обсуждаются в этой главе, речь идет не об «объективных» предпосылках, причинах и последствиях нормандского завоевания, как они видятся историкам, а о том, как *воспринимали* происходящие события те, кому довелось их пережить, или их дети и внуки. С этой точки зрения очень показательным, что Джей Рубенштейн, излагая суть нынешних споров о влиянии нормандского завоевания на религиозную жизнь Англии, формулирует проблему следующим образом. «Как нормандцы *определяли* свое положение в Англии после завоевания? Были ли они жестокими захватчиками, стремившимися разрушить мир, доставшийся им во владение, или поборниками ассимиляции, желавшими сохранить англосаксонскую культуру и влиться в нее?» (21, с.279). Исследовательница спрашивает о том, в какой роли *видели* себя нормандцы, а не о том, какую роль могли бы приписать им историки.

В связи с такой постановкой проблемы возникает вопрос, каким образом мы можем судить о мыслях и чувствах людей, живших за тысячелетие до нас. Средневековые хронисты и анналисты, авторы житий и рассказчики легенд редко высказывались впрямую; еще более сложная проблема встает перед историком, если речь идет о крестьянах или королевских дружинниках, о матерях и сестрах тех, кто погиб на Гастингсе, или бывших тэнах, поступивших на службу к Вильгельму. По моему мнению, поиски ответов на подобные вопросы — одно из наиболее интересных и перспективных направлений в исследовании нормандского завоевания. Из-за сложности проблемы какого-то единого рецепта или метода ее решения нет, и, наверное, не может быть. Каждый исследователь действует по-своему, в соответствии со своим творческим багажом и вкусами. Три работы, разбираемые ниже, представляют собой наглядные свидетельства того, как это происходит.

Джей Рубенштейн начинает статью (21) с замечания, что в последние годы в рамках общей дискуссии о «преемственности и разрыве» утвердился новый взгляд на историю английской церкви. Взгляды С.Ридьярд, которые мы изложили выше, быстро стали «новой догмой». Стремясь если не оспорить, то, по крайней мере, скорректировать эти суждения, исследовательница обращается к истории религиозной общины Собора Христа в Кентерберии. Как

резиденция архиепископа Ланфранка (1070–1089), Собор Христа стал центром англо-нормандской церковной реформы. Членом этой же общины был агиограф и историк Эадмер (1060–1125). Д.Рубенстейн анализирует скрытую полемику между Ланфранком и Эадмером, между «религиозными идеями» первого и «историческим мышлением» второго (21, с. 279). При этом, однако, она рассматривает проблему в более широкой перспективе. «Если бы целью данной статьи было изменить наше понимание одного из пунктов обширной программы религиозных реформ, проводимой Ланфранком, – пишет Д.Рубенстейн, – на нее не стоило бы тратить столько усилий. Но затронутые вопросы выходят далеко за рамки церковной политики. Разобравшись в них, мы сможем узнать не только об отношении к англосаксонским святым после 1066 г., но и о характерах Ланфранка и Эадмера, о воздействии нормандского завоевания на культуру и о превращении его в предмет исторического исследования. Но для этого мы должны понять, какие действия предпринимал Ланфранк в отношении святых реликвий в Кентерберии и повсюду в Англии, и как Эадмер и другие англо-нормандские историки воспринимали его действия».

Обсуждая деятельность Ланфранка, Дж.Рубенстейн опирается на три вида свидетельств – литургические правила Собора Христа (Предписания Ланфранка (*Decreta Lanfranci*), составленные в 1070 г. для общины Собора Христа и календарь церковных праздников той же общины), эпизоды из житий святых и описаний чудес, связанных с Кентерберией, и сведения из хроник других монастырей или более позднего периода.

В Предписаниях религиозные праздники разделены на три группы – по степени строгости, с которой они должны отмечаться. В этом перечне праздник в честь святого Эльфхейя числится во второй группе, однако другие святые, чьи мощи находились в Соборе Христа, в том числе покровитель общины, святой Дунстан, не значатся вовсе. Что касается святого Эльфхейя, то согласно утверждениям хрониста конца XII в. Герваса Кентерберийского, опиравшегося, как полагает Дж. Рубенстейн, на устные предания, бытовавшие в общине, Ланфранк в начале своего архиепископства сомневался в святости Эльфхейя и хотел изъять праздник в честь этого святого из календаря, но друг и бывший ученик Ланфранка Ансельм убедил его этого не делать. Свидетельства календарей неоднозначны.

Первый из календарей Собора Христа (Арундельский манускрипт¹) первоначально был ошибочно датирован периодом после завоевания, тогда как при более тщательном анализе выяснилось, что он относится к 1012–1023 гг.

Второй имеющийся манускрипт² содержит календарь церковных празднеств Собора Христа составленный в 1120-х годах, вероятно, на основе более раннего календаря 1090-х годов. С оговоркой, что названный источник, безусловно, нельзя считать надежным и достоверным и делать на его основе какие-либо окончательные выводы неразумно, Дж.Рубенстейн указывает, что один факт представляется достаточно очевидным. «Чистка» в определенной степени имела место. При этом самые известные национальные святые и местные святые сохранили свой статус, национальные святые меньшего масштаба его утратили.

В поисках объяснений того, почему это произошло, исследовательница обращается к повествовательным источникам. Последователи С.Ридьярд, отрицающие какую бы то ни было предвзятость нормандского архиепископа по отношению к англосаксонским святым, ссылаются, в частности, на два эпизода из «Чудес святого Дунстана», написанных Осберном около 1090 г. В первом из «чудес» Ланфранк обращается к Дунстану во время тяжбы с епископом Одо из Байё, и святой помогает отстоять церковные владения и доходы Собора Христа от притязаний. Во втором эпизоде, относящемся очевидно к более поздним временам, Дунстан исцеляет архиепископа, оказавшегося на пороге смерти. На первый взгляд свидетельства кажутся весьма убедительными, но Дж.Рубенстейн обращает внимание на несколько моментов. Помощь во время судебных тяжб – одно из традиционных «чудес» приписываемых святому Дунстану. Эадмер, перелагавший в начале XII в. «Чудеса святого Дунстана», изменил последовательность эпизодов: у Осберна история о тяжбе предшествует рассказу о чудесном исцелении от безумия одного из членов кенберийской общины – Эгельварда, случившемся в 1076 г., у Эадмера последовательность обратная. «С чем связана эта единственная в тексте пререстановка?», – спрашивает

¹ MS Arundel 155, British Library.

² MS Add. C. 260, Oxford, Bodleian Library.

Дж.Рубенштейн. Предлагаемый ею ответ выглядит так. Осберн выдумал эпизод с тяжбой, по образцу других подобных «чудес», но в сознании тех, кто читал его сочинение, этот случай безусловно ассоциировался с победой Ланфранка в судебном разбирательстве по поводу Пенденской пустоши, о котором сообщается в «Житии Ланфранка» и которое, согласно «Житию», относится к 1072 г. Однако Эадмер, указывает Дж.Рубенштейн, был гораздо более сознательным и честным историком, нежели Осберн. Он знал, что Ланфранк не мог просить о помощи святого Дунстана в 1072 г., ибо тогда архиепископ, будучи «незрелым англom» (*rudis Anglus*) не признавал этого святого. Поэтому Эадмер меняет последовательность изложения так, чтобы этот эпизод относился к более поздним временам. Подобное предположение подтверждается и тем, что в третьем варианте истории, который Эадмер включил в свою «Новую историю Англии», он специально оговаривает, что речь идет не о тяжбе из-за Пенденской пустоши, и что рассказываемые им события происходили позже. Таким образом, заключает исследовательница, вместо подтверждения беспристрастности Ланфранка мы получаем скорее свидетельство того, что отношение его к святому Дунстану, как и к святому Эльфхею, со временем изменилось.

Не доказывает ли это правоту историков, настаивающих на «предвзятости» нормандских клириков? По мнению Дж.Рубенштейн, ситуация в данном случае сложнее.

Возвращаясь к вопросу, «что делал Ланфранк?», исследовательница привлекает к рассмотрению еще несколько фактов. Данные об архитектурной истории Собора Христа вкупе со свидетельствами агиографических сочинений, в частности «Краткого жития святого Уилфрида» и «Жития святого Бреговине» Эадмера, со всей определенностью указывают на то, что во времена Ланфранка святые мощи оставались практически вне досягаемости рядовых членов общины, а тем более паломников. В старом соборе, сгоревшем в 1067 г., они располагались в главном помещении, неподалеку от алтаря, Ланфранк же разместил их в комнате над северным нефом, попасть в которую мог далеко не каждый. О местоположении мощей святого Дунстана и святого Эльфхея мы не можем судить наверняка, хотя то, что ни Осберн, ни Эадмер не упоминают о празднестве по поводу перенесения этих реликвий из трапезной, где они временно находились, в новый собор, наводит на размышления. О чем это

свидетельствует? Усилия Ланфранка, заключает Дж.Рубенштейн, были направлены на то, чтобы удалить святых из повседневной жизни членов общины. Именно с этой целью он убрал мощи из главного помещения собора и одновременно изъяс ряд праздников из литургического календаря. Мотивы Ланфранка становятся ясны, если обратиться еще к двум эпизодам, включенным Осберном в «Чудеса святого Дунстана». Эти истории не имеют отношения к Дунстану, но Осберн вводит их в свое сочинение из уважения к Ланфранку: архиепископу они нравились и он всячески содействовал их распространению. В обоих эпизодах исполнителем чуда выступает не святой, а Христос.

Здесь разные цепочки рассуждений Дж.Рубенштейн связываются воедино. Нормандский архиепископ хотел, чтобы религиозные чувства и рвение членов кентерберийской общины, и, если брать шире, всей его паствы, обращались не к святым, а к Христу. Его желание кажется вполне закономерным, если вспомнить, что Ланфранк прославился как теолог благодаря своему учению о единственной истинной христианской реликвии – евхаристии.

Утверждения хронистов и агиографов, в том числе Уильяма Мальмсберийского, что последователи Ланфранка в других английских монастырях и общинах подвергали мощи святых «испытанию», также предстают в ином свете, если иметь в виду, что в 1080-х годах идея о необходимости «официального признания» святых верховными церковными авторитетами отнюдь не являлась чем-то принципиально новым. Подобные идеи, отмечает Дж.Рубенштейн, еще в 1050 г. высказывал папа Лев IX, среди приближенных которого находился тогда и Ланфранк.

Итак, подводит итог этой части своего анализа Дж.Рубенштейн, отвечая на вопрос «что делал Ланфранк?», можно сказать, что он, стараясь переключить внимание верующих со святых на Христа, пересмотрел кентерберийский календарь и подверг разного рода «испытаниям» тех святых, чье право именоваться так казалось ему сомнительным. У нас нет никаких указаний на то, что Ланфранк относился с предубеждением к англосаксонским святым из-за того, что они были «английскими». Но «чужеземное» происхождение, пусть косвенно, сыграло свою роль. Если бы Ланфранк не был «незрелым англom», а подобно Эадмеру или Осберну воспитывался на англосаксонской традиции, он, возможно, с меньшим желанием и не

столь рьяно проявлял бы свои критические настроения, когда речь шла о Дунстане, Эльфхее и др.

Но это, утверждает исследовательница, только половина правды. Чтобы понять происходящее, следует разобраться также в том, как интерпретировал деяния Ланфранка другой участник «противостояния» — Эадмер. Его позиция, указывает Дж.Рубенштейн, во многом есть отражение его личного жизненного опыта.

Для Эадмера одним из самых сильных и трагических впечатлений стал пожар в Соборе Христа в 1067 г. К этому событию, увиденному глазами шестилетнего ребенка, он постоянно возвращается в своих сочинениях. Его описания старого собора исполнены ностальгии и порой обращаются в страстную проповедь. Историк судил об англосаксонском прошлом по своим детским впечатлениям, а также по воспоминаниям и свидетельствам, которые он старательно собирал и сохранял. Он ощущал перемены, принесенные нормандским завоеванием, намного острее, чем его старший друг и наставник Осберн, воспринимавший свои разногласия с Ланфранком исключительно как политические. Для Эадмера речь идет о противостоянии двух культур. Он с горечью отмечает любые проявления новых «французских» обычаев в англосаксонском мире. Раньше у нас пили мед, а теперь не пьют, указывает историк в житии святого Дунстана. Под влиянием «французов», заявляет он в письме монахам Гластонбери, в агиографических сочинениях стали писать ложь, ибо пришельцы с континента первыми начали включать выдуманные истории о краже святых мошей в жития и чудеса. Ностальгия Эадмера по прошлому, «овевшему радужной дымкой детских воспоминаний», усугублялась, как считает Дж.Рубенштейн, неудачами в настоящем. Попытки отстоять главенство кентерберийского архиепископства над йоркским, главой которого был архиепископ Ральф, ни к чему не привели. Его избрание епископом Сент-Эндрю в 1120 г. завершилось бесславной отставкой и возвращением в Кентербери год спустя. Также Эадмеру постоянно приходилось защищать память и достоинство своего горячо любимого наставника, Ансельма Кентерберийского, от нападков всевозможных «богохульников»¹, которые сомневались в его святости. Все это порождало ощущение крушения и глубокое отчаяние. Однако, указывает

¹ Эадмер употребляет это слово в житии святого Ансельма.

Дж.Рубенстейн, Эадмер был историком, и как историк пытался найти объяснение случившемуся.

Его выводы, считает исследовательница, во многом определили детская тоска по сгоревшему собору, который в сознании Эадмера прочно связывался с располагавшимися в нем святыми реликвиями, и горестная убежденность в том, что англосаксонская культура безвозвратно погибла. Причиной упадка, по мнению Эадмера, было небрежение англосаксов по отношению к собственным святым, проявлявшееся в последние годы перед завоеванием, при архиепископе Стиганде, и особенно в Кентерберии.

Вся деятельность Эадмера, как историка и агиографа, доказывает Дж.Рубенстейн, была направлена на то, чтобы вернуть кентерберийским святым по праву принадлежащее им место — в помещении собора, в календаре и в сознании членов кентерберийской общины, где далеко не все разделяли его чувства. Исследовательница замечает, что Эадмер в «Житии святого Уилфрида», «Житии святого Освальда» и других сочинениях практически не пишет о чудесах, свершившихся с паломниками. Все рассказанные им эпизоды связаны с кентерберийскими клириками, причем имена этих клириков англосаксонские, и основной вывод, следующий из них — необходимость постоянной и тесной связи членов общины с ее святыми покровителями.

Таким образом, заключает Дж.Рубенстейн, становится понятно, что Эадмер, в своем стремлении отстоять и возродить англосаксонское прошлое, не просто критиковал Ланфранка, а предложил альтернативную программу религиозной реформы. И как реформа Ланфранка не была по сути «нормандской», так и программа Эадмера объективно не стала «англосаксонской». «В своем стремлении вернуть “золотой век”, — пишет Дж.Рубенстейн, — Эадмер, как это часто бывает, создавал нечто совершенно новое» (21, с.305). В частности он постоянно сетовал на то, что из литургического календаря Кентерберии изъят праздник зачатия Богородицы, который как он уверял, широко отмечался в более чистые и бесхитростные древние времена. Однако современные исследования показали, что праздник зачатия Богородицы, не появляется в английских церковных календарях до 1030 г., а в Кентерберии, видимо, вошел в обиход даже позднее. То, что Эадмер отстаивал, как память далекого прошлого, было на деле инновацией последних лет правления

Эдуарда Исповедника. Еще более интересные факты дает анализ календарей, о которых упоминалось в начале статьи. Непредвзятое сравнение, проведенное Дж.Рубенштейн, показывает, что многие праздники, которые Эадмер отстаивал как освященные англосаксонской традицией, появились или по крайней мере заняли надлежащее место в кентерберийском календаре в XII в., после появления его житий.

Усилия Эадмера не были бесплодными. Пытаясь воздать должное славному прошлому, он формировал историческое сознание членов общины, в котором прочно укоренилась мысль об англосаксонском мире, как о чем-то навеки утраченном и достойном почитания. «Творя культы святых – Дунстана, Уилфрида, Ода или Брегвине, Эадмер одновременно создавал нечто большее – культ англосаксонской Англии» (21, с.307).

Статья М.Оттер «1066: момент изменения в двух рассказах о нормандском завоевании» затрагивает те же проблемы «преемственности и разрыва», противостояния «англосаксонского» и «нормандского», хотя подход автора к анализу источников существенно другой. Если Дж.Рубенштейн опирается во многом на документальные свидетельства или непосредственные утверждения авторов, а основными ее методами являются сопоставление и сравнение, в центре внимания М.Оттер оказывается *построение* текста.

1066 г., пишет М.Оттер в начале статьи, уже давно и всеми признается, как своеобразный «водораздел» в английской истории, настолько важный, что сама дата «тысяча шестьдесят шесть» превратилась в своего рода код или символ. Анализ источников показывает, что уже к середине XII в. 1066 г. полностью обрел свой особый статус. Но если говорить о более ранних памятниках, выводы не столь очевидны. В историографии, замечает М.Оттер, предлагаются два объяснения того, что ранние английские источники «хранят молчание», относительно событий 1066 г. Эти два объяснения исходят из прямо противоположных посылок. Первое сводится к тому, что современники не поняли значения событий, поскольку в начальный период не было ясно, сколь долгим и прочным будет правление нормандской династии и какие существенные изменения оно с собой принесло. Второе, напротив, основывается на том, что боль и ужас от произошедшей катастрофы были слишком велики, а перемены – слишком резкими и пугаю-

щими, чтобы о них писать. Исследовательница принимает скорее вторую точку зрения, хотя считает, что она нуждается в дополнении и уточнении. По мнению М.Оттер, не вполне правилен сам тезис о «молчании». Источники, полагает она, убедительно свидетельствуют, что современники, и те кто родились сразу после завоевания уже воспринимали 1066 г., как «момент изменения», разделительную черту (или пользуясь принятой в данном обзоре терминологией – «разрыв»). И «молчание» связано не с недостатком понимания, а с поиском адекватных выразительных средств, чтобы это понимание передать. В отличие от хронистов писавших Англосаксонскую хронику, которые могли просто оборвать летопись в «моменте изменения» и начать новую погодную статью, историки, создававшие повествования, были поставлены в жесткие рамки требованием «связности». М.Оттер избирает для рассмотрения два источника – «Житие Вульфстана» Уильяма Мальмсберийского и анонимное «Жизнеописание короля Эдуарда», которое мы обсуждали в главе I. Авторы того и другого сочинения, указывает исследовательница, сознают «момент изменения», но в повествовании не рассказывают о нем, а передают его другими способами, поскольку форма «жизнеописания» предоставляет им большую свободу выбора, по сравнению с «хрониками», в которых излагается история Англии. Те конкретные выразительные средства, которые они при этом используют, позволяют судить в том числе и об их личном восприятии происшедших перемен.

«Житие Вульфстана» представляет собой перевод на латынь более раннего текста, написанного на древнеанглийском языке Колеманом, членом вустерской общины, лично знавшим Вульфстана. Уильям Мальмсберийский, как он сам указывает, преработал текст Колемана, и это представляет для историков определенные проблемы, замечает М.Оттер. Но с точки зрения данного исследования интересно то, что в дошедшем до нас житии, очевидно, звучат два голоса – рассказчика и переводчика или, скорее, комментатора.

Каким образом изложены в «Житии Вульфстана» события 1066 г.? Уильям Мальмсберийский описывает, как Вульфстан убеждал нортумбрийцев принять власть Харольда, и в доказательство того, что его попытки не имели особого успеха ссылается на историю норвежского вторжения, замечая, что «это было позже». Затем

следует рассказ о мрачных пророчествах Вульфстана, предрекающих англосаксам гибель и крушение – в духе Гильдаса и относящейся ко временам Этельреда Нерешительного «Проповеди волка к англам». Далее можно было бы ожидать описания битвы при Гастингсе и нормандского завоевания, но вместо этого следует комментарий Уильяма Мальмсберийского, в котором он излагает основные принципы своей работы с текстом Колемана. На этом кончается первая книга. Вторая книга открывается сообщением в трех предложениях о приходе Вильгельма и нормандском завоевании, а далее описывается подробно епископская деятельность Вульфстана после завоевания, хитросплетения церковной политики и совершенные им чудеса.

Обращаясь к анализу структуры «Жития Вульфстана», М.Оттер считает нужным подчеркнуть, что епископ Вульфстан (как и король Эдуард Исповедник, о котором речь пойдет ниже) стал в контексте завоевания своего рода «знаковой» фигурой. Он единственный из англосаксонских епископов сохранил при Вильгельме прежнее положение и занимал свой пост достаточно долго – до самой смерти в 1095 г. В XII в. его имя обросло многочисленными легендами, в которых он стал символом преемственности и возрождения. Уильям Мальмсберийский, указывая исследователю, видит пропасть, разделившую прошлое и будущее в «момент изменения» и пытается перебросить через нее мост двояким и даже трояким образом.

С одной стороны, этой цели служат пророчества Вульфстана, обращенные из прошлого в будущее. С другой – в роли «связующего звена» выступает сама фигура Вульфстана, как воплощения стабильности и жизнестойкости. Для выражения этой мысли Уильям Мальмсберийский использует разные средства. Так, в самом начале второй книги он описывает спор Вульфстана с архиепископом Йорка Тома из Байё, претендовавшим на его диоцез. При споре присутствуют король Вильгельм и архиепископ Ланфранк, и вся сцена сильно напоминает эпизод избрания Вульфстана епископом из первой книги, только там в роли высокопоставленных свидетелей выступали архиепископ Стиганд и король Эдуард Исповедник. Автор, считает М.Оттер, сознательно настаивает на *подобии*, а не на отличии. Само содержание спора – противостояние просвещенного «светского» клирика, каким является Тома, и монаха Вульфстана, также отсылает читателей к прошлому, ко временам церковной

реформы Дунстана, которые в представлении Уильяма Мальмсберийского были «золотым веком» англосаксонской церкви и истории.

В описанных автором «чудесах» Вульфстан выступает как проповедник мира и объединения и как гарант сохранения и прочности всего того, что Уильям Мальмсберийский считал лучшим в англосаксонской культуре – традиций Беды Достопочтенного, Дунстана и других англосаксонских святых. Очень показательны в этом смысле пророчества Вульфстана относительно грядущего процветания вновь закладываемых церквей и монастырей, а также эпизод, когда епископ является команде тонущего корабля, и, подбадривая моряков, придает им сил добраться до берега.

Наконец, в предлагаемой Уильямом Мальмсберийским трактовке «момента изменений» присутствует и третий аспект. Он находит свое выражение в комментарии в конце первой книги, о котором упоминалось выше. Уильям Мальмсберийский пишет о том, что у Колемана первая книга заканчивалась избранием Вульфстана епископом, но он счел уместным передвинуть эту границу, и также изъять из повествования имена практически всех свидетелей, на которых ссылался Колеман, «дабы не оскорблять слух моих чувствительных читателей звуками варварского наречия». Переводчик жития, по его собственному признанию, изменил авторский стиль страдавший излишней выпренностью. Таким образом, заключает М.Оттер, Уильям Мальмсберийский передает «момент изменений», рассуждая о проблемах перевода – перевода с древнеанглийского языка на латынь и с языка одной культуры на язык другой, и его мысль сводится к тому, что подобный перевод, во-первых, необходим, и во-вторых – возможен.

Итак, для Уильяма Мальмсберийского имеют место одновременно и «разрыв», и «преемственность», подводит итог этой части обсуждения М.Оттер (здесь она употребляет слово «разрыв»); он подчеркивает и устойчивость лучших традиций англосаксонской культуры, и необходимость внедрить их в новый культурный контекст.

Другой тип мировосприятия нашел свое отражение в более раннем по времени источнике – «Жизнеописании Эдуарда Исповедника». Автор «Жизнеописания...» сознает «разрыв» в полной мере, его стихотворное вступление ко второй части исполнено ощущения произошедшей катастрофы и глубочайшей растерянности. «Что мне

делать, о ком мне писать теперь, когда все погибли?», — вопрошает он. Так же как и Уильям Мальсберийский он пытается перебросить мост через разверзшуюся пропасть и этим «мостом» для него оказывается фигура Эдуарда Исповедника, последнего представителя древней англосаксонской династии, «святого короля»¹. Однако связь эта другого рода. М.Оттер в своей интерпретации основывается на двух эпизодах пророчеств, присутствующих в тексте². В первом эпизоде умирающий король пробуждается от забытья и говорит собравшимся вокруг его ложа приближенным, что ему явились в видении два монаха, с которыми он был знаком в юности в Нормандии, и они предрекли Англии жестокие бедствия. На вопрос короля, когда настанет конец этим бедам, монахи ответили, что это произойдет не раньше, чем зеленое дерево, ствол которого разрубили пополам и одну часть отнесли на милоу, воссоединится без помощи человеческих рук и зазеленеет вновь. Хотя хронисты более поздних времен часто толковали эти слова аллегорически как предвестие правления Генриха II, в котором воссоединились две династии, М.Оттер настаивает, что современники, в том числе автор «Жизнеописания» рассматривали его как нечто невыполнимое, как синоним слова «никогда». Другой эпизод связан с легендой о семи благочестивых христианах, спрятавшихся во времена гонений Деция в пещере на горе в Эфесе, где Господь погрузил их в сон, чтобы они проспали времена бедствий. Однажды Король Эдуард сядясь обедать неожиданно рассмеялся. Когда его спросили в чем дело, он ответил, что в этот самый момент спящие в Эфесе, проспавшие двести лет на

¹ Жизнеописание создавалось, судя по всему, до того, как возник официальный культ Эдуарда Исповедника, но мысль о его святости проводится, по крайней мере во второй части, со всей отчетливостью. Это дало основание ряду исследователей настаивать на более поздней датировке.

² Единственный имеющийся у нас текст представляет собой палимпсест и большинство историков, в том числе публикатор «Жизнеописания...» Ф.Барлоу, склонны считать второй эпизод — «пророчество о семи спящих», позднейшей вставкой. Исследовательница оговаривает этот момент, но тем не менее включает «пророчество» в свое рассмотрение, поскольку, по ее мнению, в исходном тексте присутствовал некий подобный эпизод, по ее мнению, содержался в оригинальном тексте, возможно, в другом виде.

правом боку, перевернулись на левый бок и будут спать еще 74 года, во время которых случатся многие беды. Далее, как сказано в «Жизнеописании», король рассказал о каждом из этих спящих, словно он был их товарищем.

Мысль, проводимая автором, считает М.Оттер, достаточно ясна. Катастрофы избежать нельзя и конца горестям не будет, но история все же продолжается и после, казалось бы, полного крушения – гарантом этого выступает «святой король», ибо ему даровано право проспать века жестоких испытаний и проснуться в некоем неведомом будущем, которого никому не дано провидеть.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая рассмотрение историографии нормандского завоевания я хотела бы подвести итоги и сделать некоторые выводы. Данная область исторических исследований интересна тем, что, как мы могли увидеть, в ней естественным образом сочетаются традиции, берущие свое начало в далеком прошлом, и новые поиски и достижения. В своем развитии изучение нормандского завоевания проходило ряд «поворотных точек», общепринятые воззрения несколько раз менялись «по принципу маятника», но это было движение не по кругу, а, скорее, по спирали.

Также я постаралась по возможности показать, каким образом в современных работах и публикациях проявляется личность их авторов и их отношение к событиям прошлого. Мне, наверное, могут указать, что подобные вопросы относятся к сфере психологии или филологии, а не истории. Однако, во-первых, нынешнее восприятие нормандского завоевания – также продолжение определенных традиций, а история человеческих мыслей и чувств – тоже область истории. Во-вторых, отмеченные факты заставляют историка задаться вопросом, в чем же причина данного явления. Мой ответ состоит в том, что за событиями 1066 г., помимо социального, политического, экономического, кроется еще некое «вечное» общечеловеческое содержание. Недаром нормандское завоевание стало темой не только для исторических исследований, но и для литературы. В чем конкретно это содержание состоит сформулировать довольно трудно. Возможно, дело в том, что в моменты столь резких перемен, «разрывов» (лично я считаю, что «разрыв» имел

место), в мгновения когда разверзается пропасть, отделяющая прошлое от будущего становится очень отчетливо видно, как поступки, характеры, мотивы и судьбы отдельных людей, действующих каждый в соответствии со своими стремлениями и пониманием, соотносятся с общим ходом истории и сплетаются в единый узор.

И мне хотелось бы завершить этот обзор цитатой из сочинения Блаженного Августина, которую я с благодарностью и почтением адресую всем, кто участвовал в трагических событиях почти тысячелетней давности, и всем, кто изучал их и писал о них на протяжении всего этого времени. «И подобно тому, как антитезы придают красоту речи, так красота времени образуется из сочетания противоположностей, но не в гармонии слов, а в порядке самих вещей».

Список литературы

1. Aird W.M. St. Cuthbert and the Normans: the church of Durham, 1071–1153. – Woodbridge, 1998. – XVI, 311 p.
2. Bradbury J. The battle of Hastings. – Sutton, 2000. – 278 p.
3. Brown A. The Norman conquest of England. – Woodbridge, 1995. – 181 p.
4. Chibnall M. The Debate on the Norman conquest. – Manchester (Eng.), 1999. – XII, 168 p.
5. Cownie E. Religious patronage in Anglo-Norman England, 1066–1135. – Woodbridge, 1998. – X, 262 p.
6. Devis R. The Carmen de Hastingae Proelio // Engl. hist. rev. – Oxford., 1978. – Vol. 93. – P.261–275.
7. DeVries K. The Norwegian invasion of England in 1066. – Woodbridge, 2000. – 322 p.
8. Douglas D. The Norman conquest and British historians. – Glasgow, 1946. – 40 p.
9. Fleming R. Domesday book and the law: society and legal custom in early medieval England. – Cambridge (Eng.), 1998. – XIX, 548 p.
10. Freeman E. The history of Norman conquest in England: 6 vol. – Oxford, 1869–1875.
11. Higham N. The death of Anglo-Saxon England. – Sutton, 2000. – 234 p.
12. Houts E. van. Memory and gender in medieval Europe, 900–1200. – N.Y., 1999. – XII, 196 p.
13. Houts E. van. The trauma of 1066 // History today. – L., 1996. – № 46. – P.9–15.
14. Loyn H. Anglo-Saxon England and the Norman conquest. – L., 1962. – 422 p.

15. McLynn F. 1066: The year of the three battles. – L., 2000. – 304 p.
16. Morillo S. The Battle of Hastings. – Woodbridge, 2000. – 230 p.
17. Otter M. 1066: the moment of transition in two narratives of the Norman conquest // *Speculum*. – Cambridge (Mass.), 1999. – Vol.74, №3. – P.565–586.
18. Plummer Ch. Two of the Saxon chronicles parallel. – Oxford., 1892. – Vol. 2.
19. Ridyard S. *Condigna veneratio*: post-conquest attitudes to the saints of the Anglo-Saxons // *Anglo-Norman studies*. – Cambridge (Eng.), 1987. – Vol.9. – P.179–206.
20. Round J. *Feudal England*. – L., 1895. – 650 p.
21. Rubenstein J. Liturgy against history: the competing visions of Lanfranc and Eadmer of Canterbury // *Speculum*. – Cambridge (Mass.), 1999. – Vol.74, №2. – P.279–309.
22. Stenton F. *Anglo-Saxon England*. – 3-ed. – Oxford, 2000. – 765 p.
23. *The Carmen de Hastingae Proelio* of Guy bishop of Amiens / Ed. Morton C., Munz H. – Oxford, 1972. – XCII, 147 p.
24. *The life of King Edward who rests at Westminster* / Ed. a. transl. Barlow F. – L., 1962. – XXX, 82 p.
25. Walker I.W. *Harold: The last Anglo-Saxon king*. – Sutton, 1997. – 258 p.
26. Williams A. *The English and Norman Conquest*. – Woodbridge, 1995. – XV, 264 p.

З.Ю.Метликая

АНГЛОСАКСОНСКАЯ АНГЛИЯ И НОРМАНДСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

Аналитический обзор

Художественный редактор Т.П.Солдатова

Технический редактор В.Б.Сумерова

Корректор О.П.Дормидонтова

Лицензия: Серия ИД № 00748 от 18.01.2000 г.

Гигиеническое заключение

№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 13/V – 2003 г. Формат 60х84/16

Бум. офсетная № 1. Печать офсетная Свободная цена

Усл. печ.л. 5,25 Уч.-изд.л. 4, 9

Тираж 250 экз. Заказ № 73

ИНИОН РАН, 117997, Москва, Нахимовский пр-кт, д. 51/21

Отдел маркетинга и распространения информационных изданий

Тел. (095) 120-4514

Факс (095) 120-4514

E-mail: market @INION.ru

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН

117890. Москва, М. Знаменский пер., д. 11, стр. 3

тел.: 291-28-87

042(02)9